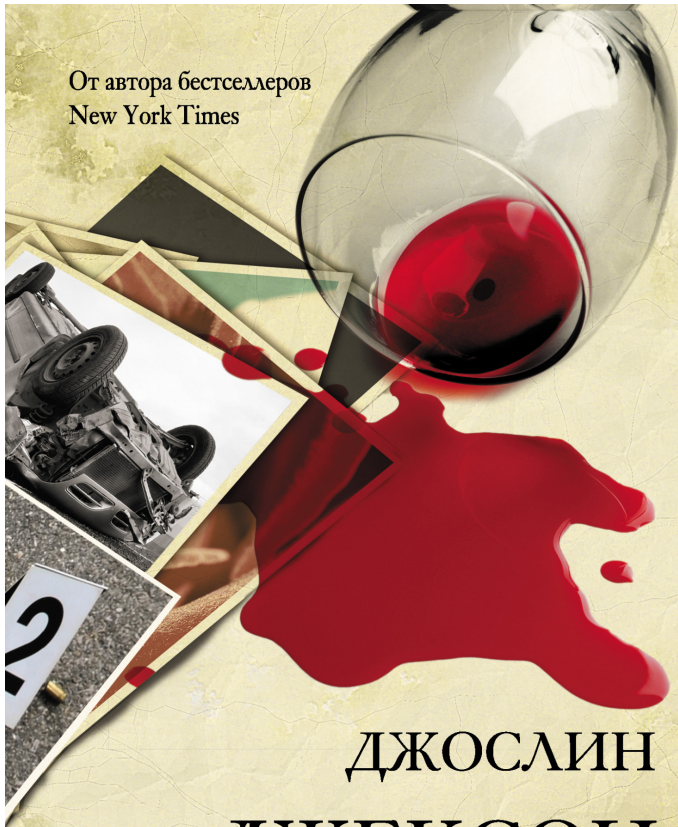

От автора бестселлеров
New York Times

ДЖОСЛИН ДЖЕКСОН

Все начиналось как игра...

Я ИДУ ИСКАТЬ

Джослин Джексон

Я иду искать

Серия «Идеальный триллер»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714632
Я иду искать: Издательство АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-120945-2*

Аннотация

Все начиналось как простая игра...

Лучшие подруги собираются на заседании литературного клуба для молодых мам. Их новая соседка предлагает сыграть в забавную игру – «расскажи о своем самом плохом поступке». Пара бокалов вина – и литературные посиделки превращаются в исповедь, а впечатления от книг сменяются шокирующими признаниями...

Только вот в прошлом Эми Уэйн действительно совершила то, что не должна была. И теперь отчаянно боится, что правда всплывет наружу. Что, если новая соседка знает больше, чем кажется? Что, если вся игра была затеяна только ради Эми?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	70
Глава 4	98
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Джослин Джексон

Я иду искать

© 2019 by Joshilyn Jackson

© Смирнова, А., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Игра была идеей Ру. Больше, чем идеей. Тщательно выверенным планом. Она сама зарядила этот пистолет, и, хотя попыталась учесть и сопутствующий ущерб, прицелилась прямо в меня. Игра называлась «Мой худший поступок за сегодня».

Я никогда не слышала о такой. Никто из нас не слышал. Мало ли как стали развлекаться на пьяных вечеринках, когда «Правда или действие» утратила популярность. Должно быть, в этой игре могут безо всякого страха участвовать только школьницы, чей худший поступок – показать лифчик симпатичному мальчику или назвать сестру плохим словом.

Если бы мы только знали.

Мы были взрослыми женщинами, и мы хранили свои худшие поступки в глубоких ящиках. У нас были дети, и мы запихивали эти ящики под пресс работы, ипотеки, меню на неделю. От детей такие вещи нужно держать подальше.

Ру три раза громко постучала в дверь, хотя у нас, конечно же, был звонок. Все, кого мы ждали, пришли по меньшей мере двадцать минут назад. Шарлотта с подносами в руках застыла у лестницы и спросила:

– Кто, чёрт возьми, это может быть?

Клуб был полон. Пришли все постоянные участники и даже несколько новых.

– Я выясню. Иди куда шла.

Я открыла дверь новой соседке. За ее спиной поднималась полная луна, как будто толкая в плечо. В серебристом сиянии, мягком, дрожащем, казалось, будто соседка вышла из подводного мира под яично-жёлтый свет фонаря над нашим крыльцом.

Я узнала её по волосам, идеально прямым, идеально чёрным, доходившим до лопаток. Она недавно поселилась в доме, бывшем предметом ненависти всех обитателей Шарлоттино переулка. На редкость уродливом доме с провалившейся крышей, который мой муж Дэвис прозвал домиком Спрайта за ядовитую жёлто-зелёную краску. Шарлотта в своём репортаже о съехавших и въехавших жильцах называла эту женщину «Шероволосая», в честь певицы Шер.

Ещё Шарлотта называла её красивой, но она была не просто красивой. Она была из тех, кого показывают по телевизору. Безукоризненные черты, матовая кожа и стройная, спортивная фигура, вынудившая меня сокрушаться о собственной. От лишнего веса я страдала лишь в подростковом возрасте, но сейчас, глядя на неё, почувствовала, как меня разнесло после родов.

Ни кошелек, ни книги, ни бутылки вина, ни гостинца. Ни, между прочим, бюстгальтера. На ней было плотно облегающее длинное платье без рукавов, над ключицей татуировка – крошечная стая птиц. Она улыбнулась, и я, не почувствовав никакой угрозы, улыбнулась в ответ. Она не ка-

залась опасной. Скорее... крутой.

Странная мысль. Мне сорок два года, слово «крутой» я давно уступила дочери. Но всё-таки мне вспомнилось именно оно, и смутное чувство, которое шевельнулось в груди, было лишь началом чего-то интересного.

Оливер уже переходил на твёрдую пищу, и гормоны, баюкавшие меня, пока я кормила его грудью, отпускали. Теперь мне хотелось перемен, и, глядя на эту воплощённую угрозу у себя на пороге, я надеялась, что она пришла по адресу. Какой глупой я была!

Она спросила:

– Здесь собрание книжного клуба?

– Да, все верно. Эми Уэй, – я протянула ей руку. Хватка оказалась крепкой, она сжала мою ладонь дважды, и это показалось мне до нелепости официальным.

– Я Анжелика, – сказала она, – но все называют меня Ру.

– Ру? – удивилась я. – А где Кенга?

– Кенга не придёт, Кристофер Робин, – она хихикнула. Губы у неё были полные, очень бледные. Ни блеска, ни помады, зато глаза щедро подведены и накрашены. Блестящие чёрные волосы, разделённые на пробор, подчёркивали идеальный овал лица. – Это просто моя фамилия. Французская. С иксом на конце.

Я знала, как переводится это слово. Подливка из муки, поджаренной в масле.

– Ты прочитала «Дом Мирта»¹? – спросила я, широко распахивая дверь.

– Конечно, – ответила Ру и вошла.

Было почти восемь. Обычно мы час болтали, час обсуждали книгу, и в девять пятнадцать-девять тридцать расходились по домам, чуть подвыпив, чуть поумнев, чуть ближе сдружившись с соседскими мамашами.

– Ты из жёлто-зелёного дома? – спросила я, желая убедиться, что это она. Шарлотта говорила, что Шероволосая одна воспитывает сына, которому достаточно лет, чтобы сесть за руль. Но и в ярком свете она казалась чуть старше тридцати. Ужасно молодая для матери старшеклассника.

– Да, это я, – сказала она. Я подвела её к лестнице, ведущей в подвал.

– Рада, что ты пришла. Этот дом обычно сдаётся на короткий срок, так что жильцы нечасто приходят в наш клуб.

– Я пока не знаю, сколько тут пробуду. Я здесь по работе. Хочу с кем-нибудь познакомиться.

Мы стали спускаться по лестнице.

– А чем ты занимаешься?

Она посмотрела вниз, не ответив на мой вопрос.

– А эта... как её там – она моя соседка?

Шарлотта стояла у ступенек и смотрела на меня в отчаянии.

– Шарлотта, – подсказала я. – Не знаю. Сейчас найду ко-

¹ Роман Эдит Уортон (1905).

го-нибудь, кто всем тебя представит.

– Не надо, – ответила Ру и проплыла мимо меня в самую гущу толпы, чтобы самой всем представиться. Едва она скрылась из виду, Шарлотта затараторила:

– Ещё и Шероволосая! Теперь тут двадцать один человек, не считая нас, и никому в голову не придёт, что стульев мало. Мне нельзя таскать стулья! – она принялась поправлять волосы и стала похожа на нервную полевую мышь, чистящую ушки.

– Её зовут Ру, и, конечно, никто не доверит беременной таскать стулья. Расслабься! Я сама принесу.

Вид у Шарлотты всё равно был испуганный – на то она и Шарлотта. К тому же клубом заправляла именно она. Решила его организовать, осознав в тот момент, когда Руби начала ползать, что с самых родов не прочитала ни одной книги.

– Ребёнок сожрал мой мозг! – кричала она. – Ладно книги, но я уже не помню, когда в последний раз мыла голову!

По ней было видно, что давно, но я оставила свои мысли при себе и согласилась посидеть с малышкой, пока Шар придумывала листовки и распихивала по всем почтовым ящикам. Она назвала свой проект «Зомби-мамы» – жуткое название, но по крайней мере я отговорила её от «Клуба отупевших». По всей видимости, в маркетинге она разбиралась получше меня – листовка и название привлекли участниц. Почти все были её возраста, у всех маленькие дети – у ко-

го-то совсем малыши, у кого-то дошкольники или младшие школьники. Я была тут старше всех, некоторых аж на двадцать лет.

До того как родился Оливер, я не особенно хорошо их знала – в основном по сплетням, услышанным от Шарлотты во время ежедневных прогулок. До этого я лишь иногда играла в настолки с мамашами средних лет, уже миновавшими этап подгузников и кормления грудью. Они резались в кости, довольно много выпивали и на полном серьёзе обсуждали тяготы переходного возраста: марихуану, контрацепцию, поступление в колледж. Будучи приёмной матерью подростка, я нуждалась в этой компании. Теперь же мне было лучше здесь, так что я предоставила Шарлотте свой подвал и талант к перетаскиванию стульев.

– Тащи три. Тащи четыре. Хотя бы три, – командовала Шарлотта, пытаясь пересчитать всех женщин. Я протянула ей стопку бумажек с вопросами для обсуждения и пошла за стульями. Каждый раз, возвращаясь с очередной добычей, я украдкой посматривала на новенькую. Ру явно чувствовала себя в своей тарелке, легко переходила от группы к группе, и все, кто с ней общался, улыбались чуть шире, смеялись чуть громче. Они старались её впечатлить, и я не могла винить их. Ру казалась такой интересной – по ней видно было, что в её загранпаспорте куча штампов, что она знает, как приготовить пате, что у неё был секс в машине на полном ходу. Может быть, даже по дороге сюда.

Последний стул я притащила, как раз когда Ру пожимала руку Тейт Бонакко. Я остановилась, не в силах отвести взгляд. Я ничего не могла с собой поделать. Тейт считалась красавицей в старших классах и до сих пор не смогла избавиться от этого образа, так что вносила в нашу компанию дух школьной столовой. За глаза она звала меня питбулем – за короткие светлые волосы и коренастую фигуру, но ещё и потому, что я помешала её путчу. Когда наша компания переросла маленький домик Шар, Тейт предложила к нашим услугам свою берлогу.

– Руководство я тоже возьму на себя, пусть Шарлотта отдохнёт, – ворковала она, уверенная, что делает той большое одолжение. Но я быстро всё это прекратила, во всеуслышание объявив, что Тейт намерена подмять клуб под себя, когда Шар уже сделала всё, чтобы его раскрутить, и что если она его возглавит, мы будем читать только биографии семейства Кардашьян.

Может, это было и свинство, но лишить Шар клуба означало разбить ей сердце. В конце концов мы переместились в мой большой подвал, и всем по-прежнему управляла Шар. И теперь я не могла сдерживать злорадной улыбки, видя, как симпатичная, но вполне заурядная Тейт теряется на фоне экзотичной Ру. Тейт выпрямила спину, пригладила волосы, извинившись, направилась в ванную, откуда вернулась две минуты спустя, успев накрасить губы и завязать узлом футболку, чтобы продемонстрировать плоский загорелый живот.

Шарлотта постучала ложкой по бокалу, желая привлечь всеобщее внимание, потом стала этой же ложкой указывать, кому где сесть. Но, к сожалению, Ру, стоявшая возле кожного кресла, даже не посмотрела на неё. Она опустилась в это кресло – самое высокое, во главе стола – которое обычно занимала Шарлотта. Когда Шар отвела глаза от толпы дамочек и увидела, что её место занято, её как будто током ударило. Я села на стул, который притащила из столовой и поставила у камина, и жестом подозвала Шарлотту к себе.

– Если честно, – шепнула она, садясь рядом, – хоть она и не в курсе, мне всё-таки кажется, это неспроста.

Тут же образовалось небольшое столпотворение, потому что пятеро женщин захотели занять места возле Ру.

– В следующий раз повешу на стулья таблички, – пообещала я, и Шарлотта просияла. Ей нравилось, когда всё шло по плану.

Впрочем, подумала я, вряд ли в этом есть необходимость. Ру, которая снимает квартиру в жутком доме и не носит лифчика, Ру с татуировкой в виде птичьей стаи вряд ли вернётся. Она была совсем не похожа на женщин, которые обсуждают приучение малышей к горшку и классическую литературу на примитивном уровне. Скорее уж она вступит в клуб игроков в кости, а может, никуда и не вступит, потому что надолго тут не задержится.

Последними уселись Тейт и Панда Гриер, кое-как разместившись на скамейке для пианино – пока они бегали к бару

за последним глотком вина, все места уже заняли. Шарлотта вручила соседке стопку бумажек с вопросами, сказав:

– Возьми одну и передай по кругу.

Эти вопросы она брала со всевозможных сайтов.

– Итак, кто уже дочитал «Дом Мирта?»

Почти все женщины подняли руки, и я в том числе.

Шарлотта широко улыбнулась, но я понимала – большинство врёт. Я так точно. Вернее, я прочитала большую часть, но всю прошлую ночь Оливеру не спалось, а когда мне наконец удалось укачать, его тельце у меня на груди, тёплое, как картошка в мундире, и вкусно пахнущая лысая голова оказались такими уютными, что я тоже уснула. Мы оба спали долго и крепко. Мэдисон помогла мне с обедом, а Дэвис помыл посуду, так что мне удалось посмотреть в Википедии, чем кончился роман.

– Кто прочитал хотя бы большую часть? – спросила Шар. На этот раз все подняли руки, в том числе и Ру. – Отлично, но если вы не дочитали, предупреждаю: сейчас будут спойлеры.

– О боже, Лили Барт умрёт? – пискнула сентиментальная Шеридан Блейк, только что узнавшая об этом из бумажки с вопросами.

– Прежде чем мы начнём, я хочу вам представить новенькую, – сказала Шарлотта. – Она пришла к нам в первый раз. Давайте поприветствуем... хм, Ру.

Все замурлыкали: привет, привет, а Тейт что-то шепнула

на ухо Панде. Панда кивнула, но с меньшим энтузиазмом, чем обычно. Ей достались не в меру упитанная фигура, простое, но милое лицо и очень симпатичный муж. Как только Бонакко переехали сюда, она сразу же навязалась к Тейт в лучшие подруги, готовая каждое утро приносить ей фрукты и кофе. По всей видимости, Тейт представлялась Панде раскалённым вулканом, полным страсти, который в любую минуту мог взорваться и залить лавой супружескую жизнь Гриеров.

Но теперь появилась Ру, бездна вот-вот готова была разверзнуться, и шерсть Тейт уже встала дыбом. Панда не смогла бы служить обеим богиням, а мне, как жительнице маленького городка, было интересно, куда это приведёт. Скорее всего, подумала я, она выберет свою соседку Тейт. Домик Спрайта, по крайней мере, находился в четырёх кварталах от прекрасного мистера Гриера.

– Привет, – сказала Ру. – Может, вы тоже представитесь?

Она сильно растягивала гласные, хотя Пенсакола (штат Флорида) находилась между океаном и Алабамой. Почти у половины моих соседей было тягучее произношение, но не такое, как у Ру.

– Давайте вы по кругу расскажете о себе. Я хочу узнать, кто вы, – может быть, она много лет прожила на юге.

Шарлотта ошутимо пихнула меня локтём, возмущённая таким нарушением правил.

– Ну, мы все и так друг друга знаем. И у нас всего час, –

сказала Шарлотта таким сладким голосом, что я сразу заметила неладное. Людей, готовых в своих личных интересах помешать работе клуба, она терпеть не могла. Шар была одержима идеей справедливости. Может, за это я её и любила. Мир вокруг очевидно несправедлив, но Шарлотта была похожа на девочку с красным ведёрком, уверенную, что с его помощью она сможет распределить воду поровну по всем мировым океанам. Решив поддержать её, я добавила:

– К тому же сегодня собралась такая толпа – разве ты запомнишь все имена? Если будешь к нам приходить, понемногу всех узнаешь.

– Ты права. Всех я не запомню, – Ру улыбнулась Шар, та улыбнулась в ответ и хотела что-то сказать, но Ру ей не дала. Она смотрела прямо на Панду. – Ты Панда, верно? Это я запомнила. Потому что это неожиданно и потому что ты такая смешная, – улыбка Тейт превратилась в оскал, Панда зарделась от удовольствия. – Но ты никакая не панда. С такими шикарными скулами и таким чувством юмора! Хитрюга, хитрюга! Лиса, вот ты кто.

Она придвинулась ближе, как будто Панда Гриер, чьи «шикарные» скулы были почти не видны, и впрямь могла быть такой уж интересной. Не могла. И никто из нас не мог. Мы были просто обыкновенными женщинами, живущими возле колледжа в небольшом городке у моря. Жёны и матери, стажёры и администраторы, учителя и библиотекари. Интересной была лишь Ру, упиравшаяся локтями в колени, ши-

роко расставившая ноги, между ними повисла пышная юбка. Бёдра у неё были стройные и очень бледные, на ногах – потёртые ковбойские сапоги. Я ощущала её харизму, которая ворвалась в комнату, словно ветер, и сдула нас с насиженных мест.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Панда, всё ещё красная от смущения. – Меня должны были назвать Лиса?

– Вовсе нет, – ответила Ру. – Просто ты и есть лиса. Это твоё тотемное животное, – она сказала это, как давно известный факт. Будто у всех этих мамаш, сжимавших в руках листочки с вопросами и книги в бумажных обложках, лежали под стульями тотемные животные, а не дизайнерские кожаные сумки, купленные по дешёвке в «Ти-джей Макс» спустя три сезона после того, как вошли в моду. Я не сомневалась – чтобы посчитать здешних женщин, которые общались со своими тотемными животными, мне хватило бы одного пальца. И именно эта женщина сейчас говорила. – Давайте вот что сделаем. Вместо обычной и – ты совершенно права, Шарлотта – бесполезной информации о себе, каждая назовёт своё тотемное животное, и это я запомню.

Женщины повернулись друг к другу, по комнате волнами прошли напряжение и шёпот. Если Ру будет слушать, они хотели говорить. Они хотели иметь тотемных животных, хотели их обсуждать. Мне тоже передалось всеобщее возбуждение, но это был клуб Шарлотты, а она – моя лучшая подруга. Лицо Тесс Робертс сияло, Лидди Слей, напротив, явно чув-

ствовала себя неловко, искала спасения. Тейт насупилась и посылала Шар сигналы, чтобы та прекратила этот цирк. Все мы колебались, будто стояли на вершине горы и лёгкий порыв ветра мог сдуть нас куда угодно. Ру повернулась к Шейле, сидевшей справа от неё.

– Лила? Нет, Шейла. Какое ты животное?

– Тигрица, – быстро ответила Шейла, и все мы почувствовали намёк.

– Вижу! У тебя такие жёлтые глаза, ты прирождённая охотница, – ответила Ру, и по комнате прошёл одобрителный шёпот. У Шейлы и в самом деле были тигриные глаза, но никто этого не замечал, пока Ру не сказала. – Говорите, говорите, я всё слышу, – с этими словами она поднялась и пошла к бару. Она вернулась с оставшимися бутылками, хотя обычно мы не подливали себе, когда обсуждали книги, а лишь допивали то, что оставалось в бокалах. Ру поставила бутылки на чайный столик, а Лавонда Гэффни тем временем объявила себя рыбой-львом.

Вновь ощутив толчок локтём, я сочувственно посмотрела на Шарлотту. Она переживала тяжёлый первый триместр, и из-за тошноты её нервы были натянуты до предела, больше, чем когда бы то ни было. После Лавонды Тесс своим грубым, как у гусыни, голосом заявила, что она воробей, а Ру открыла у всех бутылок крышки. Затем представилась Лиза Фентон и сказала:

– Я живу в красном кирпичном доме, между твоим и Шар-

лоттиным. Будет нужен сахар или яйца, заходи. А что касается животного, не могу сказать так сразу. Надо подумать.

Ру с двумя бутылками в руках обходила стол. Кивнув Тейт, вежливо, как официантка, спросила:

– Красное или белое?

– Да это терроризм какой-то! – шепнула мне Шарлотта. Я виновато пожала плечами.

– Мне кажется, ты ястреб. Вот! – заявила Шеридан Блейк. Ру кивнула, наполняя очередной бокал до краёв.

– Да, совершенно точно.

Лиза просияла от удовольствия и сказала:

– Ну да, с тремя детьми младше пяти лет приходится ястребом. Я всё вижу!

Я сжала руку Шарлотты, желая её успокоить, а Хлоя Фишер тем временем объявила своим тотемным животным медведицу.

– Или, может, я кроншнеп? – она посмотрела на Ру, надеясь, что та прояснит ситуацию.

– Кто такой кроншнеп? – спросила Панда, и тут же начался целый цикл лекций о болотных птицах, и все пили, пили, пили.

– Определённо, медведица, – в конце концов решила Ру. – Просто ты хрупкая, и сразу не скажешь, что в тебе живёт медведь. Но это так.

Наклонившись к самому моему уху, Шар прошептала:

– Медведица, ты слышала? Да Хлоя Фишер просто мар-

тышка. Мы тут все мартышки. Эта женщина нарядила нас в колпачки и заставила плясать. И как ей удалось?

Я не знала. Ничто не могло нарушить строгие правила Шарлоттиногo клуба. Ничто не могло нарушить строгие правила Шарлоттиногo чего бы то ни было, и, хотя я очень её любила, мне казалось, что сегодняшний вечер пойдёт ей на пользу. Я ничего не могла с собой поделатъ.

Застенчивая Элли Уайтакер, щурясь из-под чёлки, сказала, что глубоко внутри она тоже тигрица. Очень, очень глубоко.

– Ага, у тебя острые зубки. Я их вижу, – сказала Ру, и Элли даже заёрзала от радости. Шар то и дело смотрела на часы, чувствуя, как утекает бесценное время, пока женщины выбирали себе животных и опустошали бокалы, в которые щедро подливала Ру. Я знала, ей не терпится поговорить о прекрасной Лили Барт на пути к роковой гибели, но час уже почти прошёл, а мы не добрались даже до вопросов.

Ру подливала и подливала, подзадоривала женщин, и они уже начали перебивать друг друга – все внезапно стали пираниями, и пантерами, и павлинами. Единственным павлином среди нас можно было назвать лишь Тейт Бонакко с её пухлыми губами и, по мнению Шарлотты, накачанными сиськами. Да и то павлином из зоопарка.

Все мы, по правде говоря, были домашними зверюшками, кроме Ру. Она своё тотемное животное не назвала, но я подумала – оно явно дикое, скорее всего, хищник.

Вино было допито, и Ру, вернувшись к бару, приготовила коктейли с таким видом, будто это был её дом, хотя продолжать нам явно не стоило – разговор стал громким и грубым, все старались перекричать друг друга, слова размывались, и я порадовалась, что все наши спальни на втором этаже. Оливер легко просыпался, а Дэвис терпеть не мог пьянства.

Ру вернулась, когда подошла моя очередь. Протянула мне коктейль, и я поразилась её наблюдательности. Я ненавижу вино. Даже его кислый запах. Обычно пью джин с тоником, но и то лишь первый бокал. В последующих от джина одно название. *Уэй-один стакан*, называл меня Дэвис.

Я отхлебнула немного. Напиток освежал и пах соснами, холодный и до того крепкий, что, проглотив, я словно ощутила солнечный удар. Допивать не буду, решила я, хоть и вкусно. Ру украсила коктейль свежим лаймом, я ощутила на языке его сладость. Но, будучи преданной подругой Шарлотты, сказала:

– Мне кажется, я дикобраз. Колючий дикобраз, который хочет обсудить «Дом Мирта». Может, мы уже...

– Мы почти закончили, – ответила Ру, лениво отмахнувшись от меня. К моему удивлению, меня это уязвило. Она комментировала все решения, помогала каждой женщине выбрать приятное для неё животное. Со мной вышло иначе. Я была совсем не похожа на дикобраза, но она признала его моим животным, хотя я сказала это просто для смеха. Она повернулась к Шарlotte.

– Твоё имя я, конечно, знаю, но вот животное никак не могу угадать.

– Я тоже дикобраз, – отрезала Шарлотта и плотно сжала губы.

Ру обвела глазами Шарлотту, остановила взгляд на животике, который лишь недавно стал чуть больше, чем после плотного ланча.

– Мне кажется, *вот* Кенга, – сказала Ру и хитро улыбнулась мне. Как будто рассказала шутку, понятную лишь нам обоим. И мне стало приятно оттого, что я избранная. Я это ощутила. Не буду отрицать – действительно ощутила. Рот сам собой расплылся в улыбке. Брови Шарлотты взлетели до самой чёлки, а я уткнулась в бокал. Сделала большущий глоток. Ру вновь заняла незаконно захваченное кресло Шарлотты.

В конце концов Дженни Тагби, мягкая, спокойная и заурядная, как птичка-овсянка, сказала, что она комодский вара́н и что ей пора домой. Её малыш ещё не перешёл на пюре, она сутулилась и подтягивала лифчик. Её груди были бомбой с часовым механизмом, и нужно было срочно слить пропитанное вином молоко. В своё время я кормила Оливера первым делом, как просыпалась, и в последнюю очередь перед тем, как лечь спать, но я помню это упругое натяжение в те часы, когда не кормила. Я не могла винить Дженни, но понимала, что люди – стайные животные, и когда она уйдёт, за ней потянутся остальные.

И точно – стоило Шар начать, наконец, задавать свои вопросы, женщины стали уходить поодиночке и парами, потихоньку, виновато помахав на прощание. Первыми ушли те, у кого были маленькие дети, потом те, кто работал пять-два. Многие подвыпившие дамы бессвязно что-то говорили, зевали, направляясь к лестнице, чуть пошатывались. К десяти часам нас осталось лишь шестеро.

Поскольку места освободились, Тейт и Панда уселись на диване рядом с Лавондой-Рыбой-Львом. Тейт сильно накачалась «пино нуаром» – на лбу выступили капли пота, в уголках рта виднелись пурпурные потёки. Ру вновь отправилась в бар резать мои цитрусы.

– Ладно, закругляемся, что ли, – сказала Шарлотта. Вид у неё был усталый, под глазами – розовые круги.

– Это уж точно, – заявила Ру. – Книга никуда не годится. Займёмся чем-нибудь другим, – она моргнула, вытянула шею, будто её осенило. – Я знаю! Давайте сыграем в игру.

– Я имела в виду не это, – вскинулась Шар.

– Уже поздно, – я старалась быть верной подругой, но мысль об игре соблазняла.

Я выбрала в мужья человека, предпочитавшего по понедельникам мясной рулет, по вторникам такос, по пятницам ужин в ресторане и секс. Шарлотта была в этом плане похожа на Дэвиса – видимо, меня тянуло ко всему упорядоченному. Но теперь в моей жизни появился ребёнок. Я любила Оливера всем своим существом – я и не знала, что можно

так любить – но каждый день с малышом был точно таким же, как предыдущий.

Чем ближе подходил срок его отлучения от груди, тем больше я скучала по своей работе в «Школе ныряльщиков» – по этой радостной возможности разделить свой мир с новыми дайверами, по шуму и веселью детей. Но больше всего – по самому дайвингу. Беременным нырять нельзя, а первые восемь месяцев материнства прошли как один неясный бессонный день. С тех пор как появился Оливер, мне удалось погрузиться под воду всего раз шесть, и я страшно по этому тосковала.

Если бы Ру предложила ограбить банк или прыгнуть с тарзанкой, я указала бы ей на дверь, и оставшимся захмелевшим мамашам – тоже. Но посидеть вечером, после десяти, и поиграть в игру представлялось не таким уж страшным бунтом. Как раз по мне. Я хотела поиграть.

– Слишком поздно для игр, – согласилась Шарлотта, стараясь, но не слишком, показаться разочарованной.

– Бедная Кенга, – сказала Ру. – Конечно, скачи скорее домой. Тебе надо отдыхать за двоих.

– Угу, точн. Скчи дмой, кнгуру, – невнятно пробормотала Тейт, скосив глаза на Ру. Сегодня она вела себя непривычно тихо, стремясь утопить в алкоголе своё недовольство.

Но Шар хотела, чтобы ушли все. Это был её клуб, и она решала, когда заканчивать работу. Она молчала. Я знала, что она не хочет оставлять меня в компании не самых приятных,

к тому же пьяных соседок и незнакомки, прибравшей к рукам власть. Я не знала, как быть – мне хотелось узнать, что случится дальше, но в то же время не хотелось оттирать с дивана блевотину Тейт Бонакко.

– Мне всё это не нравится, – сказала мне Шарлотта. – Со всем не нравится.

Ру, ставившая на журнальный столик тарелки с лаймом, бокалы и бутылку джина комнатной температуры, услышала эти слова, и её губы растянулись в ухмылке.

– Ты не дикобраз, – сказала Ру, вновь наполняя бокалы и уже не отмеряя дозу. – И не Кенга. Я знаю, кто вы, леди. Вы рыба. Оранжевая рыба из сказки про Кота в шляпе². *Вот кто* твоё тотемное животное.

– О Господи, и правда, – воскликнула Лавонда. Она хохотала, пока не подавилась слюной.

– Когда мамы нет дома, нельзя приводить Ру, – сказала Тейт строгим Рыбьим голосом, перегнувшись через Панду, чтобы похлопать Лавонду по спине.

– Иди спать. Мы скоро разойдёмся, – сказала я Шар, провожая её до лестницы, пока с ней не случился припадок.

– Ага, – кивнула Ру. – Эми, поиграй с рыбкой в «Ап», – она жестом показала движение вверх, и вся троица закатилась истерическим хохотом. Шар метнулась по лестнице на-

² Речь о сказке Доктора Сьюза. Оранжевая рыба ведёт себя крайне занудно и предлагает выгнать кота. Увидеть их также можно в советском мультфильме 1984 года под названием «Кот в колпаке».

верх, её шея побагровела.

– Вы что, серьёзно читали эту книгу? – сквозь смех спросила Тейт так громко, что мы, уже поднявшись, тем не менее её слышали. – Я только краткое содержание.

Я захлопнула дверь.

– Чёрт возьми, – прошипела Шар с яростью, которая была ей не свойственна, – как ты собираешься их отсюда выгнать?

– Не знаю, – честно призналась я.

Не считая беременной Шарлотты, я была самой трезвой в этой компании. И всё же я чувствовала в крови джин. Мне хотелось ещё. Хотелось быть внизу и играть, а не наверху и нудеть. Но всё же, как настоящая подруга, я проводила Шар до двери, кивая в ответ на её возмущённый шёпот.

– Кто врывается в чужой дом, в чужой клуб, всех поит и занимается чёрт знает чем? На твоём месте я легла бы спать и оставила их осознать, как мерзко они себя ведут. Хотя я не уверена, что эта Ру чего-нибудь не украдёт.

Дэвис, я не сомневалась, лежал наверху в постели, читал книгу и одним глазом поглядывал на детский монитор. Оливер, конечно, спал невинным сном, вытянув руки над головой. Я наивно предположила, что и моя приёмная дочь, Мэдисон, тоже была в кровати.

– Да, это очень... – я осеклась. Знаете какое слово сюда подходило?

Интересно.

Чего – хотя я в жизни в этом не призналась бы – не все-

гда можно было сказать о книжном клубе. Шар всегда выбирала книги о дамах из высшего общества. Белые обложки, давно отжившие своё нормы морали. Лично я предпочитала остросюжетную литературу: Маргарет Этвуд, Стивена Кинга. Или мемуары женщин, переживших немало испытаний. например, «Стеклянный замок» или «Дикая».

Я, конечно, понимала, может быть, лучше всех остальных, что пожелание «Чтоб ты жил в эпоху перемен» – худшее проклятие, какое только можно придумать. Да и особенно интересной жизни мне не очень хотелось, но я любила, когда что-то интересное случалось на бумаге, под обложкой, которую всегда можно закрыть. Я не была возмущена тем, как эта Ру нарушила наше благопристойное, безобидное веселье. Подумаешь, всего раз. Но Шар я сказала:

– Мы можем сами обсудить «Дом Мирта» после завтрашней прогулки, – и пообещала себе встать пораньше, чтобы дочитать. Да, я готова была обсуждать с Шар её книгу, потому что ощущала вину за предательство. За мысль, которая всего на секунду пришла мне в голову: «Господи, да она и правда как та оранжевая рыба в банке». – Я приготовлю обед, и мы пройдемся по всем вопросам.

Глаза Шар наполнились слезами – из-за гормонов она стала эмоциональнее – и, наклонившись, она крепко меня обняла. Я обняла её в ответ, ощутив бедром тугий мячик живота. Семья Шар была очень маленькой. Пожилой больной отец и брат-военный, который женился на немке и жил за

границей. Я со своей семьёй тоже почти не общалась. Может, поэтому мы так и сблизились, вынужденные поддерживать друг друга.

– Господи, ты просто чудо. А я такая плакса, – сказала она. – Ладно, ладно. До завтра.

Открыв ей дверь, я внезапно увидела Мэдисон. Она стояла на нижней ступени крыльца, босая, в растянутой футболке, в которой обычно спала, и чёрных леггинсах. На лужайке, рядом с ней, стоял мальчик – бледное лицо расплывалось в лунном сиянии, чёрные волосы и чёрная одежда сливались с темнотой. Я застыла у двери.

– Это сын Ру, – шепнула мне Шарлотта.

Услышав наши шаги, Мэд повернулась, улыбнулась и помахала рукой. Она не считала себя преступницей, которую поймали с поличным. Она ничего плохого не делала. Просто болтала с мальчишкой, стоя на лужайке, в золотистом свете фонаря над крыльцом. Но мне всё равно это не понравилось.

– Привет, Мэд, – сказала я, как будто была в курсе, что она всё это время стояла тут. – Кто это?

– Это Лука, – ответила она. – Он тут недавно. Лука, это Эми, моя чумачеха.

– Круто, – буркнул Лука, никак не отреагировав на мой статус. Поднял подбородок в знак приветствия. Волосы у него были чёрные, как у матери, лицо – совсем другое, угловатое. Узкие щёлки глаз, капризный рот, как у рок-звезды. Чёрная рубашка с логотипом какой-то группы, тёмные

рванные джинсы, грубые ботинки. Отличная кандидатура на роль плохого парня.

– Рада знакомству, Лука, – неискренне сказала Шар. Ей он тоже не понравился. – Я Шарлотта Бакстер.

– Рада знакомству, – эхом отозвалась я. – Мэдс, пора домой. Завтра в школу.

– Ну перестань, Чума! Ещё десять минут! – взмолилась она.

– Мне кажется, на сегодня хватит, – ответила я мягко, но при этом посмотрела на неё, как суровая мачеха, чтобы она поняла – я недовольна. Она закатила глаза, но сказала Луке «до завтра» и повернулась ко мне.

– До завтра, – буркнул Лука и, ссутулившись, пошёл в темноту.

– Угу, – сказала мне Шарлотта, – и тебе до завтра, – она многозначительно посмотрела на меня, давая понять, что нам теперь нужно обсудить не только книгу, и пошла домой. Мэдди, проскользнув мимо меня в дом, проворчала:

– Ещё и десяти нет, Эми.

Последнее слово она произнесла с сильным нажимом на первый слог. Так она иногда говорила Дэвису «па-ап», когда собиралась с ним сцепиться. Очень осуждающе.

Она не обращалась ко мне таким тоном, пока не родился Оливер. Его появление многое изменило. Теперь я порой забывала, что полюбила Мэдди раньше, чем Дэвиса, полюбила в тот же день, когда Шар семь лет назад притащила семей-

ство Уэй в «Школу ныряльщиков». Шар сказала Дэвису, что его несчастному ребёнку нужно именно это – друзья, веселье, физическая активность. Ну и немного выступила в роли свахи, познакомив одинокую тренершу с симпатичным соседом в разводе. Но когда я впервые увидела Дэвиса, преподавателя экономики в наглухо застёгнутой рубашке и мокалинах, он показался мне занудой и занозой в заднице. Моё сердце с первого взгляда завоевала девятилетняя Мэдисон, её щенячий пухленький животик, торчавший из-под маечки, и всегда нахмуренные брови.

Она так и не разучилась хмуриться и сейчас по полной использовала этот навык, а потом, громко топая, понеслась по лестнице в свою комнату, понятия не имея, что в подвале по-прежнему сидит пьяная в хлам компания любительниц литературы.

Я допила последний глоток джина с тоником, поставила стакан на кухонную стойку. Ощутила, как алкоголь побежал по венам. Кажется, я в жизни так не напивалась. Никогда. Я открыла дверь в подвал и услышала, как они гогочут. Быстро захлопнула за собой дверь, начала спускаться, надеясь пропустить как можно меньше.

– Да все это делают, – сказала Тейт. – Просто некоторые врут, что не делают. Это не *плохой поступок*.

– Нет, нет, – перебила Панда, – не то чтобы я ханжа или ещё что-нибудь. Но просто Фрэнсис, он так редко хочет... ну вы понимаете. Когда это бывает, всё отлично, да, но он

просто, просто...

– Секс-верблюд, – закончила Ру как раз, когда я спустилась, и все расхохотались.

Четыре женщины сидели на полу в окружении покинутых стульев и чайного столика, заваленного сухими лаймовыми корками и бумажными тарелками с остатками хумуса и лукового соуса. Все сжимали в руках бокалы с моим драгоценным джином. Судя по тому, что осталось в бутылке, они уже пропустили по бокалу, может, и по два, пока я укладывала спать Мэдди.

– Какой верблюд? – спросила Лавонда. – Это его тотемное животное?

– Не, не, – сказала Тейт с самодовольным видом пьяного философа. – Я поняла. Она хочет сказать, что Фрэнсис... копит запас на чёрный день.

Все снова залились смехом. Меня видела только Ру. Она, как стрелка компаса, указывавшая на север, сидела лицом к лестнице. Лавонда – спиной ко мне, а Тейт и Панда, пьяные ведьмы востока и запада – боком. Глаза Ру зажглись, встретившись с моими. Мы улыбнулись друг другу, почти трезвые по сравнению с остальной компанией.

– Значит, тебе приходится решать проблему своими руками, – Лавонда хихикнула. – Но всё равно это не плохой поступок.

– Да, но надо учесть, что *не руками*, – заметила Панда с хитрым видом.

– Панда, сучка! Хочешь сказать, у тебя есть... – Тейт за-
жужжала, как будто это было целомудреннее, чем просто
сказать «вибратор». Ничего подобного.

– Нет, конечно, – чопорно ответила Панда. – Но сейчас
делают электрические зубные щётки, знаете такие? На бата-
рейках?

Ру фыркнула и тоже рассмеялась.

– Но я всё равно думаю, что победила Лавонда. Это непри-
ятно, но не *ужасно*.

– Только вот я чищу зубы обычной щёткой, – продолжила
Панда и сделала театральную паузу. Я догадалась первой и
ощутила, как в груди закипает удивлённый смех. – А элек-
трической чистит Фрэнсис.

Все заржали, как шакалы, заглушив мой смех. Бедный Фр-
энсис! Теперь я уже никогда не смогу спокойно смотреть на
его прекрасные белые зубы.

– О Господи, – сказала Лавонда, поднимая бокал. На дне
плескался чистый джин. – Ладно, ты меня победила. Теперь
ты ведёшь.

– Тейт, – Ру подняла бокал, – думаю, хуже этого ты ничего
не делала. Так что пей.

– Подождите! – Тейт выпрямилась, принимая вызов. Пан-
да ни в чём не должна была её победить. – На той неделе я
целовалась взасос кое с чьим мужем. Нет, не со своим. Съе-
ли, сучки? За это и пейте.

Веселье резко стихло. Панда молчала. Лавонда молчала.

Я прислонилась к стене, чтобы удержаться на ногах.

– А с кем? – спросила Панда, и в её голосе, даже пьяном, звучало возмущение. Тейт это заметила. – Мы его знаем? Чей это муж?

– Господи, нет! – воскликнула Тейт, включая заднюю скорость. – Никто из вас его не знает.

Я ей не поверила.

– Хорошо, ты выиграла, – Ру ухмыльнулась и осушила бокал. Панда и Лавонда не сводили глаз с Тейт.

– Ты позволила ему тебя поцеловать? – спросила Панда.

– Нет, нет, – ответила Тейт. – Я сразу же дала понять, что лезть ко мне не надо. Я просто... я его пожалела. Его же на беременна и ведёт себя как секс-верблюд. Мне стало его жалко, понимаете? А он неправильно понял и попытался... Я сразу же всё прекратила. Само собой. Делов-то. Панда выиграла. Я пью, – она жадно проглотила содержимое бокала

Эти слова поразили меня ещё сильнее. Беременна? Уж не Шарлотта ли это? Да нет, конечно. В мире полно беременных. Если из всей нашей компании беременна только Шар, это не значит, что у Тейт что-то с Филлипом Бакстером...

– Кто он, Тейт? – я должна была выяснить. Я не могла просто стоять тут и греть уши. Тейт повернулась и непонимающе уставилась на меня. Думаю, она лишь теперь осознала, что я здесь. Её глаза расширились, лицо побагровело. Панда и Лавонда были на её стороне, но я – на стороне Шарлотты. Тейт не могла оторвать от меня взгляд, и я слышала, как в

её пьяной голове завертели колёса.

– Да просто один тип, мы познакомились, ну, в автосервисе. Торчали в зале ожидания, ну и разговорились, – сказала она чересчур громко, глядя на меня. Откровенно врала.

– Это всего лишь игра, – заметила Ру, поднимаясь с пола. – Победила Панда. Давай с нами, Эми.

Она подошла ко мне медленной соблазнительной походкой домохозяйки пятидесятих, держа в руке бокал, на донышке которого плескался джин. Я не могла отвести глаз от Тейт, которая теперь смотрела куда угодно, только не на меня.

– Он всё неправильно понял. Зачем они только называли автосервис «Быстрая смазка»? – сказала она Лавонде и Панде. Лавонда фыркнула и одобрительно засмеялась. Я молчала. Я знала. Это был Филлип. У Тейт что-то было с мужем моей лучшей подруги. Я поняла это ещё до того, как она повернулась ко мне, желая узнать, повелась ли я на глупую шутку и жалкую ложь.

– Эта игра мне не кажется весёлой, – ответила я Ру, не сводя серьёзного взгляда с Тейт. Она вспыхнула и опустила глаза. Ру встала между нами, заслонив Тейт.

– Не нуди, – сказала она, – сыграй с нами. Игра называется «Мой худший поступок за сегодня».

Одного этого названия хватило, чтобы почувствовать себя так, будто холёный, накрашенный ноготок Ру прошёлся по моей голой спине. Я выпрямилась, приняла позу хорошей

девочки: плечи откинuty назад, глаза широко распахнуты – воплощённая невинность.

– Хорошо, я сыграю, – сказала я тихо, одной только Ру. – Мой худший поступок за сегодня – выгнать из дома толпу пьяных гарпий.

Рассмеявшись, Ру отмахнулась от меня.

– Этот раунд мы уже прошли.

Тейт, сидевшая на чайном столике, спросила:

– Лавонда, что ужасного ты сделала за прошедший месяц?

Я ощутила, что Ру следит за моей реакцией, и резко уточнила:

– В прошлом месяце?

Ру пожала плечами.

– Подожди-ка, так ты флиртowała с этим парнем с парковки? Если он сам к тебе лез, то это не *твой* плохой поступок, – сказала Панда, включив пьяную логику.

– Я, видимо, подавала сигналы, – ответила Тейт, – вот почему это мой плохой поступок. Но если и подавала, то не специально.

– Женщины всегда себя винят, – заметила Лавонда, стараясь разрядить обстановку. – Но виноват мужчина. Точнее, его член. Все проблемы из-за члена.

– Почему в прошлом месяце? – снова спросила я, неотрывно глядя на Ру. – Ты сказала, сегодня.

– Сегодня было в первом раунде, – ответила Ру. – Его выиграла я. Это был второй. Худший поступок за неделю.

На неделе была пивная вечеринка «Назад в школу», которую Тейт устроила у бассейна в саду – прикинула я, пытаюсь вывести теорему измены. Мы с Дэвисом и Оливером зашли ненадолго, а Мэдди торчала там от начала до конца, плескалась и грелась на солнце в компании соседских подростков. Несчастливая Шар лежала на шезлонге, прихлёбывала эль и грызла крекеры. Её муж нахлебался лагера, а супруг Тейт руководил жаркой колбасок на гриле. Пьяный Филлип и Тейт без присмотра... хорошо, если дело ограничилось лишь поцелуем. Но я не могла волноваться за одну только Шар. В этот самый момент я с трудом могла даже дышать.

– А третий раунд – это... – прошептала я сдавленно.

– Худший поступок за месяц, – сказала Ру, глядя на меня и не моргая. – Это же логично. Потом за год, ну и так далее.

Три пьяные фурии принялись препираться. Несчастные жертвы собственного напряжения, они не замечали нашего, но я чувствовала. Напряжение стягивало нас длинной тугой верёвкой. Оно сжимало, холодило кровь, сдавливало мышцы. Связывало нас двоих вместе.

– Может, виноват и член, но сигналы подаёт вагина, – настаивала Лавонда.

– Что ещё за сигналы? – спросила Панда. Она, конечно, волновалась, как бы вагина Тейт не послала сигнал её расчудесному супругу. Но нет, она предпочла Шарлоттино.

И всё, что я могла сделать, так это спросить Ру:

– И сколько всего раундов? Сколько это будет продол-

жаться?

– Ну хватит, Эми. Хорошая игра продолжается до конца, – она провела розовым язычком по бледным губам. – Вспомни – что самого гадкого ты сделала в своей жизни?

В моей руке каким-то образом оказался бокал. То ли она мне его всучила, то ли я сама взяла. Я ощутила губами краешек стекла. Я наблюдала словно со стороны, как Уэй-один стакан хлещет джин комнатной температуры. Но мне нужно было согреться. Всё моё тело похолодело.

Я не понимала смысла сердитых слов, которыми перебрашивались женщины. Как будто кошки шипели и вопили, сидя вокруг почти пустой бутылки «Хендрикса». Звук утих, когда Ру наклонилась ко мне. Медленно, интимно. Как будто хотела поделиться секретом. И я тоже наклонилась к ней. Как будто хотела услышать.

– Ты не хочешь играть? Но это же глупо, – сказала она, и я увидела её тотемное животное – куда страшнее Кота в шляпе. Хищника, который врывается в дом и творит такое, что мама не сможет туда вернуться. Здесь была только одна мама – я. И я позволила ей это сотворить. Я широко распахнула ей дверь, надеясь, что она пришла по адресу. – Ты чего, Эми? Давай. Ты выиграешь. Я вижу, ты уделаешь этих жалких сучек.

– Выметайтесь, – сказала я тихо, словно из-под толщи воды глубиной в тысячу ярдов, отделявших меня от пьяных злобных женщин, сидевших на полу вокруг стола.

Но Ру услышала. Она стояла в точно такой же позе, в какой я впервые её увидела: голова наклонена, бедро выставлено вперёд. Она подняла ладони вверх, и меня пронзило болезненное чувство сродни странному удовольствию. Её руки не были пусты. В них лежало моё прошлое, невидимое, но очень тяжёлое. Я почти видела его в ладонях Ру.

– Ну правда. Ты же выиграешь.

– Это неправда, – возразила я, по-прежнему наклонившись к ней, как будто хотела услышать что-то ещё. Её фразы пронизывали мой мозг, как начало «Лунной Сонаты», если играть её паршиво и в минорной тональности. *Ты же выиграешь. Ты же выиграешь. Ты же выиграешь.* Каждая нота была пропечатана на моём окаменевшем лице. Я была виновна. И она это видела.

– Приходи в гости. Как-нибудь. Нам нужно о многом поговорить, – сказала Ру.

– Выметайтесь, – повторила я, и она прошла мимо меня к лестнице. Я повернулась и посмотрела ей вслед. За спиной рыгнула Тейт, Лавонда крикнула: «Фу, блин, тащи сюда ведро», Панда завопила: «О Господи!»

Мне хотелось рвануть по лестнице вслед за Ру, выпроводить её до двери и крепко запереть замок, задвинуть засов. Но это уже не помогло бы. Она распахнула дверь в моё прошлое. Я чувствовала, как оно проникает в моё тело, сочится по венам, словно яд. Теперь оно будет гнить внутри меня. Ру принесла с собой эпоху перемен.

Глава 2

Вторник. 28 мая 1991 года. Полная луна выплыла в час тридцать шесть, а несколько минут спустя в окно моей спальни стукнул камень. Я распахнула окно, высунула голову и увидела Тига Симмса, голодного и на вид совершенно чокнутого. «Умру за свиную отбивную», – прошептал он, и я спустилась к нему. Луна освещала путь, и наши тени, огромные в её слабом сиянии, двигались навстречу тёмному утру.

Я постоянно вспоминала эту ночь, с которой началось всё самое ужасное, что случилось в моей жизни. За этой ночью последовала полоса чёрных дней, измотавших меня, лишивших еды и сна. Прежде чем получить право голоса, я плотно подседа на таблетки от давления. Мысли об этой ночи в буквальном смысле меня убивали.

Два последних школьных года я прожила будто с солитёром в желудке, гибким, жадным червём, глотающим всё хорошее, что могло со мной произойти. Я понимала – никто не захочет узнать меня получше теперь, когда все уже знают самое главное. Казалось, если я захочу найти новых друзей, обрести любовь, придётся выложить на обозрение чудовищного зверя – моё прошлое, и от этой мысли судорогой сводило живот.

Я не могла этого рассказать и хранила всё в себе. После

выпускного перебралась в Калифорнию, как и миллионы заблудших душ до меня. Там пыталась утопить себя в алкоголе, пробовала всевозможные наркотики, пряталась среди загорелых тел юных сёрферов и корабельных крыс.

Меня спас дайвинг. Один из этих крысят предложил мне попробовать нырнуть с аквалангом, и я согласилась, думая – может, это станет новым развлечением, или просто убьёт пару часов, или убьёт меня. Но нет – ни то, ни другое, ни третье.

Это стало молитвой. Медитацией. Спокойствием и тишиной.

С той минуты я думала лишь об одном – как получить сертификат и погрузиться в мир безмолвия. Я перестала пить, потому что пьяной нельзя было нырять. Лишь время от времени выпивала банку или две пива. Начала упражняться, чтобы стать сильнее и выносливее, есть здоровую еду здоровыми порциями, чтобы чувствовать себя хорошо под водой.

Шестьдесят, восемьдесят, сто двадцать футов на голубой глубине, невесомость, монотонный ритм дыхания, бурлящий в ушах. Погружение опустошало, успокаивало. Мимо носились идеальные косяки рыб, как живое течение. Морские звёзды и огурцы слепо ползли по своим несрочным делам. Проплывали черепахи, тяжёлые и величественные. У морских созданий нет бровей, рты неподвижны, каждое лицо застывает в вечной маске. Все дельфины улыбаются, все мурены чуть рассержены, все морские коньки удивлены.

Они смотрели на меня не мигая, не осуждая, и глубина подомной казалась бесконечной. Прошрое и в воде было со мной, но это было уже неважно; море поглощало всё.

Среди этой красоты, такой пёстрой и необъятной, я чувствовала свою крохотность на фоне огромного, дикого мира. Он позволял забыть о себе и в то же время ощущать себя. Он защищал от попыток умереть. Если бы я тогда не нырнула, сейчас я уже не дышала бы.

Жизнь на земле тоже стала лучше, пусть она и не засияла резко, как включённая лампочка. Скорее это было похоже на медленный, медленный отлив. Все мысли о прошлом стекали, как струи воды, вниз по позвоночнику, исчезали в глубинах меня. История моей жизни жила за словами, за мыслями, даже за ощущением себя, и была такой же реальной, как внутренние органы. Я ведь никогда не задумывалась о своей печени, но она всегда была здесь; она делала свою тихую, грязную работу, необходимую, незаменимую, но я не думала о ней. Никогда.

Теперь, порой видя похожие истории в новостях, а иногда в первый день Великого Поста, я вспоминала, что прошлое со мной, но на этом всё. Не всплывало больше ни слов, ни образов. Даже когда я слышала его эхо, как в ту ночь, когда мы сообщили Мэдди, что я беременна.

Дэвис сильно нервничал. Всё-таки Мэдди тринадцать с лишним лет была единственным ребёнком. Но она сказала правильные слова и улыбнулась. Видимо, он не заметил бес-

покойства, мелькнувшего на её лице и тут же исчезнувшего.

В ту ночь я не могла уснуть. Я пошла на кухню заварить себе чаю и увидела силуэт Мэдди в проеме двери, ведущей на задний двор. Она еще не шагнула за порог, голые ступни касались кафеля. Тёмный квадрат, обступивший её, был полон переживаний, тех, что можно всю жизнь волочить за собой. И Мэдди входила в этот квадрат, бесстрашная, по-детски глупая, такая милая.

Она обернулась, и её взгляд был как у маленького животного, застигнутого посреди дороги. Но это был не свет фар, это была я, её Чумачеха, которая так сильно её любила. Я подошла, сняла её руку с дверной ручки, закрыла дверь. Самые мрачные мысли, глубоко запрятанные во мне, вновь начали оживать. Я хотела вытащить их наружу, показать ей и спросить: *Ты видишь, как ставки растут с каждой минутой?* Но ей не было даже четырнадцати, она, как любое маленькое дикое животное, верила в свою бессмертность. Всё, что я могла изменить – то, как она меня видела. Но я лишь довольно строго спросила:

– Куда собираешься?

– Да так, просто к Шеннон, – ответила она, и я поверила.

– Напиши ей, – сказала я, – что тебя застукали, и пусть она тащит свою задницу в кровать, а то позвоню её мамаше.

– Ты расскажешь папе? – испуганно спросила она.

– Конечно. Твоему папе я всё рассказываю, – это было почти правдой. – Но ещё расскажу, что мы как следует пого-

ворили и ты обещаешь больше так не делать. Ты же обещаешь, верно? – она кивнула, и я процитировала наш любимый фильм, «Принцесса-невеста»: – На этот раз Лютик не съедят мурены.

Широко улыбнувшись, она поцеловала меня, и, прежде чем босиком рвануть по лестнице, сказала:

– Ты лучшая в мире Чума!

Жижа внутри меня побурлила и улеглась. Совсем как три года назад, когда Шар подцепила грипп, а её муж уехал из города. Даже ибупрофен не помогал сбить температуру под тридцать девять, она вся взмокла, и её так трясло, что она с трудом могла удержаться на ногах. Я перебралась к ней, возилась с крошечной Руби, поила Шар соком и борщом. Когда ей наконец полегчало, она сжала мою руку и сказала:

– Ты моя самая лучшая подруга. Глупо звучит, да? Мы же не в третьем классе.

Я посмотрела на наши сплетённые пальцы и подумала: *Шар, ты понятия не имеешь, что держишь в руке.* Мне так чудовищно захотелось признаться, раскрыть душу хотя бы лучшей подруге, что по всему телу прошла холодная, солёная волна всех тех чувств, которые я не могла описать. Я вновь увидела эту луну, огромную, полную. Но Шарлотта была не в силах отпустить мои грехи.

Поэтому я просто сказала:

– Давай сплётём друг другу браслеты.

И мы обе рассмеялись.

Ближе всего к провалу я была около пяти лет назад, когда пришла к Дэвису в гости, и выяснилось, что Мэдди ночует у подружки. Обычно мы проводили время у него, когда она была дома, смотрели втроём фильмы 13+, ели пиццу. Потом он провожал меня до машины. Мы встречались почти год, но сексом заниматься начали только недавно – всегда в моей квартире-студии, выключив свет, опустив шторы. Он никогда не оставался на ночь. Когда утром Мэдди просыпалась, папа был рядом, жарил для неё яичницу.

В тот вечер он приготовил ужин для меня. Запечённая в духовке курица, зелёные бобы, салат, картофельное пюре. Дэвис готовил так, словно, когда жена бросила его с дочкой-второклассницей, он пошёл за советом к Бетти Крокер³: мясо и три гарнира, щедро приправленные солью и перцем. На этот раз вышло неплохо, но он возил еду по тарелке, как актёр, который делает вид, будто ест.

– Что случилось? – спросила я.

Он покачал головой. Сглотнул. Вид у него был такой грустный, такой мрачный, если бы я не знала его так хорошо, решила бы, что он намерен со мной порвать.

– Я согласна. На тебя, на Мэдс, на весь комплект, – сказала я, но он молчал и смотрел в тарелку. Тогда я тихо добавила: – Я никогда вас не оставлю.

Лишь тогда он посмотрел мне в глаза. Кивнул. По-прежнему молча вынул из кармана маленькую бархатную коро-

³ Вымышленный персонаж, лицо кулинарного бренда.

бочку и придвинул ко мне. Кольцо было простым и элегантным, из розового золота, с маленьким маркизом. Его бывшей жене досталось кольцо поменьше, с камнем круглой огранки. Я видела фото у Мэдди в комнате.

– Да, – сразу же сказала я, потом вспыхнула и добавила: – Ты ничего не хочешь спросить?

Он рассмеялся. Встал из-за стола, опустился на колени, как положено. После этого, наконец, расслабился, и остаток ужина прошёл хорошо. Потом мы помыли посуду – он передавал мне тарелку за тарелкой, я споласкивала их водой. Домыв, в первый раз поднялись по лестнице в его спальню. Я задвинула шторы, выключила свет.

Ночью я долго лежала без сна в объятиях человека, который должен был стать моим мужем. Который доверил мне свою единственную дочь. Он должен был знать, с кем связался, этот замечательный мужчина с прямой осанкой, с заботливым отношением к моим оргазмам, с пенсионным счётом. Я погладила кольцо. Оно идеально подошло. Конечно же, оно идеально подошло. Дэвис знал своё дело. Я придвинулась к нему, он повернулся, провёл рукой по маленькой, мягкой округлости моего живота. Интересно, подумала я, чувствует ли он следы от растяжек, сувениры на память о старших классах, когда я была такой толстой.

В ту ночь мы долго шептались, рассказывали самое сокровенное. Он говорил о тяжёлых временах, когда мать Мэдди ушла от них. Лаура каждый день напивалась, они руга-

лись, и она говорила гнусные, пьяные слова, бывшие его по больному. Он отвёз её в клинику реабилитации, спустя два дня она сбежала и никогда больше не возвращалась. Мэд едва не сошла с ума от боли и горя, но он, даже когда плакал вместе с ней, чувствовал только облегчение. Дом без Лауры будто стал больше, все комнаты наполнились воздухом. Он ненавидел свою грубую, тайную радость, такую циничную на фоне глубоких страданий ребёнка. Такую предательскую. В конце концов, мерзкая злобная пьяница была когда-то женщиной, которую он любил. Он стоял с ней в церкви и давал обеты.

Он считал, что обманул её надежды. Я убеждала его в обратном. Он ведь никогда не клялся в любви ящикам вина из продуктового, а Лаура давно уже потерялась среди этих ящиков. Я говорила ему, что он хороший, верный и надёжный.

Если и был подходящий момент рассказать о своём прошлом, это было он. Дэвис выложил мне всё и спросил, буду ли я теперь любить его, зная его самые слабые места. Я заверила, что буду, и когда он успокоился, мне ужасно захотелось раскрыть ему душу. Каким облегчением было бы видеть, как тяжёлый груз рассыпается по маленькой комнате. Как растворяется в воздухе. Как тайное наконец становится явным. Я чувствовала – во мне закипают слова. Я видела небо, которого не видела столько лет.

Вторник. 28 мая 1991 года. Полная луна выплыла в час

тридцать шесть...

Но слова застыли во рту. Я лежала в его объятиях, и та луна шла на убыль. Я не провожала её взглядом. Я не хотела, чтобы он любил ту девушку из прошлого, не ждала, что он её простит. Почему он должен был прощать? Мне достаточно было и того, что он любит меня настоящую. Я молчала, слушала, как его дыхание становится всё глубже, как он понемногу засыпает.

А теперь Ру дозналась обо всём, пробралась в самые тайные глубины. Луна вновь выплыла, и я уже не могла не видеть её бледный свет. Не могла не вспоминать.

В пятнадцать лет я выпрямляла свои жёлтые волосы, и они свисали безжизненными прядями до самой спины. Выстригала густую чёлку в стиле Бетти Пейдж, слишком грубую для моего типа лица. Она лезла в глаза, когда я высунулась в окно, чтобы помахать Тигу Симмсу, который стоял в лунном свете, готовый умереть за отбивную.

Я ждала, и моё огромное тело свешивалось с плетёного стула, будто я была мороженым в широком круглом рожке. Я уже надела школьную форму – клетчатую юбку и синий жилет. Собрала сумку, положила туда банку лизоля⁴, хотя в глубине души надеялась, что Тиг сегодня не придёт. Луна только стала полной, завтра или послезавтра было бы куда лучше, если он вообще собирался прийти. Порой он мог не

⁴ Дезинфицирующий раствор.

появляться целый месяц, а потом будил меня ни с того ни с сего в почти безлунную ночь перед выходными.

– Подожди минутку, – прошептала я в ответ.

Он ухмыльнулся, откинул со лба буйные волосы. На солнце они казались бронзовыми, сейчас – почти чёрными. Дресс-код Брайтона предписывал девочкам длинные юбки, а мальчикам – короткие стрижки, но кудряшки позволяли Тигу сэкономить на парикмахерской. Если бы я дёрнула его за кудряшку и распрямила её, она достала бы до плеча.

Он жестом показал мне – срочно спускайся. Я подняла два пальца вверх, вспыхнула при мысли о том, что одета как зубрилка. Закрыла окно. Мне нужно было выскользнуть из дома через чёрный ход, потому что моя громоздкая туша не позволила бы мне через окно залезть на крышу, перепрыгнуть на дуб и спуститься вниз, как делал старший брат, спавший в соседней комнате.

Я натянула на ноги растянутые шлёпанцы, схватила сумку и гитару и, чуть дыша, спустилась по лестнице, изо всех сил стараясь не задеть инструментом о перила. Всё моё тело наполнилось страхом, я слышала, как он плещется во мне. В голове зазвучал ксилофон, как это бывает в мультиках, когда персонаж спускается по лестнице; увы, я знала, что нет ничего смешнее, чем жирдяй, который пытается убежать.

Я тихо пробралась через гостиную, нервничая всё меньше, с каждым шагом удаляясь прочь от родительской спальни, ближе к кухне. Обычно в такие ночи, после того как мы

пару часов посидим у костра и поиграем на гитаре, я просила Тига отвезти меня в кафешку «Вафельный домик». Ты везёшь, я плачú – говорила я, потому что у Тига редко водились деньги. Мы брызгались лизолем, чтобы перебить запах марихуаны, и Патси Клин кормила нас вместе с подсобными рабочими, ничего не соображавшими после бессонной ночи. Мы литрами хлестали кофе; мой, со сливками, был цвета хаки. Потом шли в школу. Папа уходил на работу до рассвета, мама спала до восьми, и об этом не знал никто, кроме моего брата, но Коннор никак не мог меня выдать – он сбегал из дома куда чаще.

Я подумала – хорошо бы мы с Тигом и сегодня пошли в «Вафельный домик». Чёрт, бекон – это замечательно. Картофельные оладьи, неровные, обваленные в тесте, покрытые воскообразным чеддером. Блины... я почти ощущала на языке вкус кленового сиропа. Но я была бедна как церковная мышь: на этой неделе мама заявила, что будет класть все мои заработанные деньги на мой сберегательный счёт. Она выпотрошила свинью-копилку, забрав все деньги, которые я получила, сидя с детьми. Это на колледж, заявила она, хотя стараниями бабушки денег на колледж было предостаточно. Более чем. Мы обе знали – она сделала это, чтобы я не покупала еду.

Я взяла из керамической миски на кухонной стойке четыре груши, бросила в сумку с лизолем. Посмотрела в кладовке: суп в банках, оливки, растительное масло, пять видов

каш, все на вкус — как опилки в клетке моего хомяка. Открыла холодильник, нашла очищенные куриные грудки, бесцветные, ожидавшие, когда их обваляют в сухарях. Выловила из дальнего ящика пластиковую упаковку ветчины, обезжиренной на девяносто восемь процентов. Разрезала кусочки пополам, сделала бутерброды на тонко нарезанном диетическом хлебе. Сыра и майонеза у нас дома не держали. Кетчупа тоже — из-за сахара. Я выдавила на бутерброды немного горчицы и упаковала их. Ничего лучше предложить лунатику Тигу, жаждавшему мяса, я не могла.

Завтра, подумала я, подготовлюсь получше. У наших соседей, Шипли, недавно родился ребёнок, он плохо спал по ночам. Красивая миссис Шипли платила мне за то, что я присматривала за ним после школы, а она в это время могла выспаться. Скажу маме, что пошла в библиотеку, решила я, а деньги оставлю себе.

К тому же мы с трехлетней Лолли ели печенье «Орео» — соскребали шоколад, съедали начинку, остальное макали в молоко, которое давала нам миссис Шипли. Мы развлекались молочными усами и раскрасками с Ариэль и Маппетами, пока малыш Пол в своей кроватке гулил и пускал слюни. Миссис Шипли никогда не замечала, что я уношу домой в рюкзаке её печенье или чипсы. Она носила свободные блузки, спадавшие с хрупких плеч, и узкие капри; вряд ли она любила фастфуд. Я не могла представить, как она ест что-нибудь — разве только салатные листья.

Но Тиг явился сегодня. А сегодня были только груши и диетический хлеб с обезжиренной ветчиной, похожей на резину. Я в отчаянии проверила нижние ящики кухонного шкафа. Посуда, сковородки, кухонные принадлежности – ничего съедобного. И тут я заглянула под раковину.

В самом углу, за моющими средствами и губками, стояла и переливалась огромная зелёная бутылка. Красное вино? Она стояла тут так долго, что покрылась пылью. Большая бутылка означала дешёвое вино. Слишком дешёвое, чтобы ставить в бар. Я смутно помнила, как папа несколько месяцев назад притащил это вино, чтобы мама сделала сангрию.

– Я просила дешёвое вино, – возмутилась она, – а не уксус.

Как это похоже на папу, подумала я. Он всё делал не так, чтобы мама не гоняла его с поручениями.

Я задумалась. Не считая бокала шампанского на Новый год или на чьей-нибудь свадьбе, мне ещё не доводилось пить алкоголь. Но я не сомневалась, что мне понравится, и хотела впечатлить Тига, а ещё отомстить маме. Она ведь забрала все мои деньги и в один прекрасный понедельник испортила все планы на лето. К тому же я вряд ли попалась бы. Мама не замечала, когда пропадала какая-нибудь ерунда, а папа обнаруживал пропажу, лишь когда эта вещь была ему нужна. Если бы я стащила его бурбон, он ровно в семь часов напугал бы маму бешеным воплем: «Жанин!» Но пропажу этого вина не заметил бы никто. Если бы брат догадался сюда заглянуть, он давно бы его упёр.

Мне пришлось отодвинуть с десяток моющих средств, чтобы вытащить гигантский кувшин. Я старалась действовать бесшумно. Потом поставила всё на место и, закрыв за собой дверь, выбежала в ночь.

Тиг ждал в углу сада, тоже одетый в школьную форму – брюки махрились, поношенная рубашка выцвела, из тёмно-синей став грязно-голубой. Я медленно доковыляла до него, таща гитару, тяжёлую бутылку и большую сумку. Доковыляв, увидела, что синяк у него на щеке начал исчезать; в лунном свете он был цвета хаки. На прошлой неделе Тиг подрался с Засранцио, новым бойфрендом своей мамы, но новых синяков не было, по крайней мере в заметных местах. Я подняла бутылку, и он воскликнул:

– Чёрт, Смифф, круто!

Он всегда называл меня по фамилии, Смит, но последнюю букву произносил нечётко – так по-панковски. Никогда не звал меня Эми. Только Смифф или Смиффи. Мне нравилось, как это звучало, но одновременно бесило, что такое обращение делает из меня друга, лишая всякого женского начала.

Он рыцарски забрал у меня гитару, и мы в тишине побрели к его машине. Это был припаркованный за моим домом АМС Амбассадор шестьдесят седьмого года. Тиг сам его собрал из ненужных деталей, валявшихся в гаражном боксе его прошлого отчима. Вид у этой машины был столь же опасно-сексуальный, как у самого Тига; особенно интересно она

смотрелась в Брайтоне, среди джипов, подержанных БМВ и Миат с откидным верхом. Теперь он искал части Шевроле семьдесят восьмого года, думая собрать из них новую машину, может быть, на продажу.

– Хочешь поучиться водить? – шепнул он, протягивая мне ключи от Амбассадора.

Он предлагал и в прошлый раз, но я твёрдо сказала – нет. Не потому что не хотела. У меня были ученические права, и мне не терпелось сесть за руль. Но я боялась, что не помещусь на сиденье. Воображение тут же нарисовало кошмар: мой живот застрял, я толкаюсь, тужусь, хрюкаю, пытаюсь пропихнуть своё тело, а Тиг всё это видит. Так что я ему отказала, а потом «случайно» забыла в машине сумку с гостинцами от Шипли, и, когда он припарковал машину и вылез, я вернулась за ними и попробовала сесть на водительское место. Пролезла я без проблем. Я не учла, какие у Тига длинные ноги. И с тех пор надеялась, что он вновь предложит.

– Блин, хочу! – ответила я на этот раз и взяла ключи. У него были права, и я как ученица имела право водить под его присмотром. Ну или имела бы, будь он совершеннолетним.

– Я всё думаю, как назвать группу, – сказал Тиг, когда мы сели в машину и закрыли двери. Все дома в нашем районе были построены на заказ на отдельных больших лесных участках. Нас никто не слышал бы.

– Я думала, мы Волшизики, – я повернула ключ, и огром-

ная машина взревела, оживая.

– Это больше подходит девчачьей группе, – ответил он.

– Иди в задницу, – сказала я. – Что плохого в девчачьих группах?

Он выудил из кудряшек косяк, заправленный за ухо, и едва не уронил, когда машина резко дёрнулась. Он рассмеялся, а я ещё раз попыталась надавить на педаль сцепления. Я научилась обращаться с механической коробкой передач, но машина Тига управлялась не так, как проворные мамины седаны, на которых ездили ученики Брайтона.

Я начала, петляя, выезжать из города. Но не к главному въезду, к железным воротам, на которых витиеватыми буквами было выведено: Вэйверли-Плейс. К неизведанным землям за домами. Тиг зажал между губ косяк и по-ковбойски щёлкнул зажигалкой о джинсы, так что открылась крышка и вспыхнул огонёк. Я торопливо открыла окно – такой запах лизоль заглушить не мог. Хорошенько затянувшись, Тиг передал косяк мне.

– Ничего, только меня туда по определению не примут, – его накуренный голос был тих, словно ему не хватало воздуха. Я открыла своё окно, взяла косяк, вдохнула, сжимая и разжимая губы, чтобы выпустить воздух. Мне нравилось курить, но лишь совсем чуть-чуть. Лёгкая доза вызывала во мне голод; вообще он был всегда, но под марихуаной я могла есть, не чувствуя жирных складок, свисающих с моего тела, и взгляда невидимых глаз, следящих за мной, и запоздалого

стыда. Я даже не стеснялась есть в кафешке на виду у Тига – ненакуренная я нипочём бы не рискнула. Чуть перебрав, ощущала в груди неясное давление, сжимающее сердце. Ещё боялась, что начну вести себя слишком развязно. Что, перебрав, перестану себя контролировать, наброшусь на Тига, хищно раскрыв голодный рот, жадными руками сожму его тело и раздавлю нашу хрупкую, странную дружбу, всё, ради чего я жила – разговоры за обедом, совместные занятия в библиотеке, а главное, эти ночи.

– Может, «Сон-трав»? – спросила я. – Я же вечно хочу спать, а ты, ну сам знаешь.

Тиг покачал головой. До него не дошло.

– Ну, я всегда хочу спать, а ты всегда на траве.

Тиг так расхохотался, что аж захрюкал.

– Не на траве, а под травой.

– Хорошо, – сказала я миролюбиво, – под травой.

Он заржал ещё громче, и я подумала – сейчас он себе что-нибудь сломает. Мне нравилось его смешить, и чем дальше мы уезжали от дома, тем веселее мне становилось. Тому способствовал и косяк, так что я затянулась ещё раз.

– Сон-трав. Ты и я, – сказал он, когда вновь смог говорить. – Идеально. Тем более если учесть, что вся школа при виде нас закрывает глаза.

Я ухмыльнулась – он, как всегда, попал в яблочко. Мы были изгоями – я жирная, он бедный. Больше в Брайтоне не было ни тех, ни других. Была пара толстых девчонок и один

парень, но самым большим человеком в школе была я. Может, даже больше секретарши с огромными сиськами, носившей парик. Она была ровесницей моей бабушки, так что её фигура никого не волновала, как, собственно, и то, жива ли она вообще. Порой она угощала мятной жвачкой, при этом грустно глядя на меня, как бы желая сказать – мы с тобой одной крови. В такие минуты я её ненавидела. Но сраную жвачку всё-таки брала.

Тиг был очень, очень беден. Он был единственным, чью учёбу полностью оплачивало государство. За всех остальных как минимум часть платили родители. Бывший отчим Тига был владельцем гаража «Винтажные колёса», куда несколько обеспеченных брайтонских папаш порой приезжали за ретро-машинами – чисто чтобы повеселиться. Он-то и показал им Тига, непризнанного гения. Он поступил в Брайтон, но одноклассники его так и не приняли. Он один бродил по коридорам. Он читал те же книги, что и умные ребята: «Одивный новый мир», «Космос», «Джунгли» – но с умными ребятами не общался.

До Тига я общалась с ними, спасаясь отчаянной дружбой с Пег, второй самой толстой девчонкой в школе. Она любила прятать своё тело в огромной тени моего. Я стала для неё камуфляжем, но она никогда не звала меня в кино на выходных. Я выбрала этот путь, потому что у меня не хватало духа вести себя как Тиг – сесть в одиночку за маленьким столиком в углу и читать, методично поедая всё, что лежит на

подносе. Я завидовала его метаболизму. Я тогда ещё не понимала, что бесплатный школьный обед – всё, что ему доводилось съесть за день.

Я отдала ему косяк, ударила по тормозам – мы добрались до рельсовых путей. Теперь мы въехали на неизведанную землю. Нас обступили ладанные сосны. Я медленно, осторожно повела машину по путям.

– Чего так кисло, Смифф? – буркнул Тиг, но беззлобно. Ему нравилось ехать быстро, подскакивая на кочках, хотя от этого нас трясло так, что у меня стучали зубы. Но пару раз ему всё же удалось показать, будто его стальное чудовище может летать. Я боялась повторять этот фокус. Снесла бы глушитель к чёртовой матери.

Я свернула на грязную дорогу, Тиг ещё раз глубоко затянулся, погасил недокуренный косяк и бросил в пепельницу. Стал копаться в сумке, почуяв мясо. Выловил сэндвич.

– Блин, Смиффи, ты просто Бог.

– Рада знакомству, – сказала я с божественной важностью, и Тиг снова хрюкнул.

Он включил радио – станцию 101,5, крутившую альтернативный рок и олдскул. Все кнопки его дорожного радио были настроены на неё – по его мнению, она единственная хоть на что-то годилась. Недели три назад я перенастроила все кнопки на попсовую станцию, которую он терпеть не мог, но он как раз отчего-то перестал слушать радио. Устав ждать, я включила его сама. Закончился хит Моррисси, и заиграл ди-

джей Хаммер. Тиг нажал четвёртую кнопку, потом вторую, но ничего не изменилось.

– Ну ты и засранка, Смифф, – сказал он с таким чувством, что я вспыхнула.

Сняв ветчину с сэндвича, он накрыл ей лицо, как розовой мясной паранджой, и стал подпевать Хаммеру, но в конце концов закричал: «Время ветчины!» – и ухватил её зубами.

– Время ветчины! – запели мы хором. Машина чуть шатнулась, бок царапнули ветки.

– Ого! – крикнул Тиг, всё ещё смеясь. Я тут же выровняла машину, замедлила ход. Последние полмили я украдкой бросала взгляды на его римский нос, резко очерченную челюсть, длинные пальцы музыканта.

Тиг пел дуэтом с Хаммером, ел сэндвич и не чувствовал моего взгляда. Мне хорошо это удавалось. Я ещё в школе научилась тайком смотреть на других девчонок. Чем больше я рассматривала их, тем грустнее мне становилось. У самых мерзких девчонок были самые красивые фигуры, как будто стройные ноги, упругая грудь и чистая кожа давались как награда за гнусность.

Они не заслуживали тех тонких, звонких тел, в которые их поселили. Интересно, думала я, каково это – бегать, не чувствуя, как трясётся жир, как каждое движение становится унизительной конвульсией? Интересно, я тоже стала бы стервой? Если да, решила я, лучше уж оставаться жирной, но доброй.

Однажды в раздевалке после забега я забылась и засмотрелась на Шелли Гаст и её подружек. Они переминались с ноги на ногу, нагибались, гладили себя по узким талиям. Их розовые, кремовые, оливковые – в Брайтоне были представлены только эти расцветки – тела были такими гибкими. Шелли стояла ко мне ближе всех, полуголая; трусики подчёркивали полушария маленькой упругой задницы.

– Ну почему у меня совсем нет сисек, – причитала она, хотя у неё были превосходные сиськи второго размера с сосками цвета розовой сахарной ваты. Я смотрела, как она прячет их внутри бюстгалтера в горошек. Из моей жирной массы тоже что-то выпирало, но бесполое; не грудь, а два сгустка жира над тройными складками живота. Шелли поймала мой взгляд.

– Лесбуха, что ли? – спросила она, натягивая через голову форменную рубашку, и я нервно хихикнула.

– Просто лифчик понравился, – сказала я слишком жизнерадостно. Быть жирной лесбиянкой – это уже перебор. Быть жирной – уже достаточно паршиво. – Мне нужен новый.

– «Диллардс» не выпускает бельё твоего размера, – заявила Шелли.

После этого я научилась смотреть исподтишка, чтобы меня не застукали. Находясь рядом с кем-то из девчонок, я блуждала взглядом, рассматривала детали. Ящики раздевалки и стройные бёдра. Подоконник и голые ноги, форменная юбка, раздутая колоколом. Стопка книг, прижатая к моему

животу, и хвост блестящих волос, покачивающийся между узких лопаток.

В последнее время я стала применять ту же технику к Тигу Симмсу. Он был высоким, таким же гибким, как эти девчонки. Когда задиралась его рубашка, видны были рёбра. Старые штаны висели на костлявых бёдрах. У него были широкие плечи, загорелая кожа, тёмные глаза. И эти безумные кудри.

Я припарковалась на повороте грязной дороги. Последние сто ярдов до костра мы шли пешком по узкой тропе. Тиг шёл первым, чтобы сбивать палкой паутину. Я терпеть не могла, когда липкие нити касались моего лица. Он тащил инструменты, я – еду, бутылку с вином и бумажные стаканчики из «Макдоналдса», которые нашла на заднем сиденье. У Тига в бардачке лежал фонарик, но луна светила как безумная, а дорогу мы оба знали как свои пять пальцев.

Вокруг пепелища стояли три грубо стёсанных скамейки; мы заняли каждый свою, распаковали инструменты. Прямо за нами стоял сарай со старым матрасом, до того заляпаным, что, сев на него, можно было забеременеть. По выходным в сарае обязательно кто-нибудь торчал. Все знали это место. Но сейчас, в будний день и в час ночи, тут было свободно.

– Ты взяла штопор? – спросил Тиг, передавая мне новый косяк и поднимая бутылку. Я упала духом, но он ухмыльнулся. Подцепил пальцами пробку и поднял вверх, как будто

проделал фокус. – Ничего страшного, Смифф. Бедняки задним умом крепки, – добавил он противным голосом Засранцио, бойфренда своей мамы, которого терпеть не мог, и я рассмеялась. Откуда мне было знать, что бутылка заткнута пробкой?

Он наполнил пластиковый стаканчик почти доверху и жадно отхлебнул.

– Ахххх, Смифффффи, – пробормотал он, – вот он, вкус отчаяния.

Он протянул мне стаканчик, пахнувший кислятиной – в самом деле, как плохая уксусная заправка для салата. Но я всё равно сделала три больших глотка, задержав дыхание, будто пила лекарство.

Брови Тига взмыли вверх и затерялись в кудряшках. Он часто приносил пиво в банках, утащенное у Засранцио, но я отказывалась. Я не ходила и на вечеринки, которые закатывали ребята из Брайтона.

Но в тот день... Мне просто хотелось коснуться губами того места, которого только что коснулись губы Тига. К тому же от марихуаны пересохло во рту. Я выпила ещё, и на этот раз стало полегче. За горстку сырного попкорна я могла бы убить кого угодно. Что уж там – за любую еду со вкусом сыра.

Мы играли «The Smiths», «Violent Femmes», «The Cure», в перерывах передавая друг другу стаканчик и куря косяк. Тиг пел мягким, хриплым голосом, я подпевала в такт. Мне нравилось, как звучат наши голоса. Потом мне захотелось

что-то из «Pixies», и мы спели «*Here Comes Your Man*»; аккорды кружили вокруг нас, я почти их видела. Когда мне пришла в голову эта мысль, я поняла, что по-настоящему надралась.

Я чувствовала себя такой лёгкой. Я забыла о своём теле – осталась только душа, её яркая, горячая, жгучая ткань. Я больше не сбивалась, переставляя аккорды, хотя музыкантом был Тиг, это он учил меня играть на старой гитаре Коннора. Обычно он играл, а я лишь подыгрывала там, где это было легче всего. Но в ту ночь я знала, как играет Тиг, как движутся его пальцы и голос, словно мы были единым целым. Мы слились в гармонии, идеальной, не требующей усилий.

– «Сон-трава» – крутая группа, правда, Смиффи? – спросил Тиг, когда мы сделали паузу, чтобы съесть груши, разделить второй сэндвич, ещё выпить и покурить.

– Ага. Но, чёрт возьми, терпеть не могу груши, – сказала я, наливая себе ещё. Кувшин стал заметно легче, мир закружился, и я перелила в стаканчик. Вино выплеснулось, я хихикнула. Тиг тоже рассмеялся.

– Никогда не видел тебя пьяной.

– А ты сам-то, нет, что ли?

– Неа. Это ж просто вино, – сказал он и залпом осушил стакан.

Да, он привык пить. Он рассказывал о том, как они с друзьями, живущими по соседству, хлещут алкоголь, рассказы-

вал про игры с выпивкой. Он жил в полуразрушенном жилом массиве за заброшенной забегаловкой, который мы прозвали «деловой центр», и жил там полной жизнью, о которой я знала только из книжек да вот таких его рассказов. Тусил с Бадди и Карлом, которые вместе с ними собирали машины, с девчонкой по имени Тойя. Она не была его девушкой, но, судя по рассказам, у него был с ней секс. И ещё с одной девчонкой по имени Кристал, у которой уже был ребёнок – уверена, она и с Тигом не церемонилась. Я часто думала, как она выглядит; многие после родов полнеют. И ничуть не сомневалась, что Тиг с ней спал. Хотя ребёнок был не от него.

Это я знала, потому что спросила, и он ответил:

– Да нет, конечно. Я ношу дождевик, ты ж понимаешь.

Я ничего не поняла, но глупо кивнула. Спустя два дня, на уроке граждановедения, до меня дошло, что он имел в виду презерватив. У Тига Симмса точно был секс. Тиг Симмс точно знал, как это делается.

После этого я начала по-другому смотреть на девчонок. Я не могла перестать думать, что было бы, если бы я поменялась телами с кем-то из них. Лучше всего с Шелли. Это была бы лёгкая победа. Я отправилась бы в «деловой центр» и показала Тигу Симмсу свой новый бюстгальтер и маленький животик, который мне казался таким соблазнительным и который она терпеть не могла. Я лежала бы под ним, обвинив его тело стройными ногами. Шелли спала с Клиффом Майесом, все это знали. Так что моё новое тело знало бы, что делать.

– Ну, я хочу напиться, вот и всё, – сказала я с вызовом. Тиг ласково посмотрел на меня.

– Трудная неделя?

Я кивнула, и он прислонился ко мне плечом. Я старалась казаться спокойной и холодной. Я ощущала свой жир – это была одновременно и я, и живая стена, отделявшая меня от мира. Я жила в заточении собственного тела. Если бы он обнял меня, то ощутил бы только складки на моей талии. Иногда по ночам я представляла, что мои руки – это руки Тига. Собирала в пригоршни жир на заднице, втягивала живот и гладила по-прежнему свисающий бугор. Я знала, что никогда не позволю ему к себе прикоснуться, и всё же моя рука – рука Тига – дрожа, касалась меня между бёдер, там, где я была такой же, как любая другая девчонка; она двигалась во мне, я представляла его.

Я не могла равняться с нахальными, развязными девчонками, живущими в его районе, но, когда он прижался ко мне плечом, подумала – может быть, во мне ему будет не так уж плохо. Мы молча сидели рядом, а потом я сказала правду:

– Мама отправляет меня в лагерь.

– Уфф, – сказал Тиг. – Салатный Лагерь?

– Ага, – ответила я. – Потный Лагерь.

Она объявила об этом в понедельник вечером, глядя, как я ем отмеренную мне часть булочки, будто настало время платить за каждый сухой кусок без масла.

Я разразилась слезами. В лагере для жиробасов действу-

ющей валютой были крошечные миски риса, совсем как в тюрьме – сигареты «Кэмел Лёгкие». Всё прошлое лето я пропыхтела на занятиях аэробикой, неуклюже и лениво двигаясь в два раза медленнее, чем полагалось. На уроках питания рисовала кошек и балерин, так что не вынесла из этих уроков ничего, кроме характеристики себя как неумеренного потребителя конфет. Домой я вернулась, похудев на два кило, они сразу же ко мне вернулись, а вскоре прибавились и новые.

– Пожалуйста, не надо! – умоляла я в слезах. – Это вообще не помогло!

– В прошлом году ты так не брыкалась, – заметила мама. Но ведь в прошлом году у меня не было Тига.

– Сраный Лагерь. На всё лето едешь? – спросил он, как будто собирался по мне скучать. Как будто я была для него важна.

Я кивнула, а потом сказала то, от чего ощутила себя полностью обнажённой. То, чего не сказала бы никому. Слова прозвучали тихо и пристыженно:

– Лагерь для уродов.

– Эй, не говори так! – Тиг повернулся ко мне. Мы переглянулись, наши лица приблизились вплотную друг к другу. – Не смей называть себя уродом.

– Я знаю, кто я, – прошептала я. Я чувствовала в его дыхании нотки кислого вина. Мне это нравилось.

– Ты мой лучший друг, – сказал Тиг. – Не смей так назы-

вать моего лучшего друга.

Мне стало тепло. Всему телу стало тепло.

– Я знаю, кто я, – повторила я, а Тиг покачал головой, а потом поцеловал меня. Чуть отодвинул плечо, наклонил голову и поцеловал. По-настоящему. Не просто клюнул в губы. Поцеловал, как целуют в фильмах. Как красивых девочек целуют в коридорах, прижав к шкафчикам, их бойфренды. Я раскрыла рот, всё моё тело горело и дрожало.

Он отпрянул, я тоже отпрянула. Я понимала – вокруг нас только темнота. Матрас за спиной. Луна, сводящая его с ума.

Он ухмыльнулся. Покачал головой. Наконец сказал:

– Чёрт, Смиффи, мы реально надрались. Мы не можем это испортить. Мы не можем поступить неправильно.

Я не совсем поняла, что он имеет в виду. Разрушить то новое, что начиналось между нами? Разрушить нашу дружбу, начав это новое? Я ждала, что он скажет. Я взмокла, во рту пересохло.

Он отодвинулся, чтобы взять кувшин, и мне стало грустно оттого, что я больше не чувствовала тяжести его плеча. Он наполнил стакан, протянул мне. Я проглотила вино, такое прохладное, такое приятное на сухом, как наждачная бумага, языке. Тиг вновь закурил косяк, и мы молча передавали стакан друг другу. Я не знала, всё ли в порядке или мы сошли с ума. Я не знала, сколько сейчас времени.

– Я хочу есть, – сказала я наконец.

Большой зелёный кувшин был почти пуст, но я не знала,

до чего всё плохо, пока не попыталась подняться на ноги. Мир пошатнулся и начал клониться вбок. Я раскинула руки, прижала ноги к огромной земле. Я чувствовала, как она кружится подо мной.

– Мы так надрались, – снова сказал Тиг, указывая пальцем в направлении за спиной. – Пошли приляжем?

При этих словах Тига всё моё тело наполнилось крошечными пузырьками. Он имел в виду тот матрас. Он предлагал мне лечь рядом с ним – а что могло случиться потом? Он мог уснуть и храпеть, пока я умираю от желания – как это жалко! Он мог придвинуться ближе и обнять меня. Поцеловать. Я мечтала об этом... но что, если он имел в виду секс, полноценный секс? Чтобы я разделась, чтобы все мои складки предстали перед ним в лунном свете? Я хотела этого. Я так этого хотела, и всё-таки покачала головой, вне себя от ужаса.

– Нет, хочу есть, – повторила я, хотя совсем не думала о еде. Я схватила его за руку, потянула за собой. Он позволил тащить себя по тропе. Это был мой выбор. Мой страх и моя ненависть к себе.

Я тащила нас, и мы шли.

Машина зарычала, как живая, Тиг снова запел ту песню группы «Pixies». Я слышала свой голос, словно издалека, он обвевал его голос. Шины скользили по грязи, и это тоже была песня. Мы неслись по рельсовым путям так быстро, так быстро. Вновь и вновь в невесомость, туда, где моё тело исчезло, где я стала движением, исчезающим в темноте, и Тиг

Симмс меня поцеловал.

Деревья и грязная дорога остались позади, а впереди была стена жидкого лунного света, заливающего асфальт. Мы выплыли из лесов навстречу этой белой стене света, и в тот же момент дорога оборвалась, музыка сменилась звоном стекла и визгом шин. Внутри этих звуков изменилось время. Звёзды кружатся. Небо вертится. Я стою посреди слайд-шоу, окружённая шумом и вспышками цвета. Ремни безопасности впиваются в тело, я резко дёргаюсь, ударяюсь о тяжёлый ритм ломаемого железа.

Тихое, тёмное биение потерянного времени. Я сплю? Тиг сказал, пойдём приляжем. Может, я всё ещё сплю? Может, он не целовал меня? Мой рот наполнен солью.

– Мамочка, – зовёт Лолли Шипли; её мамочка, конечно, тоже спит. Я сижу с ребёнком. Надо подойти к Лолли. Я с усилием сглатываю соляной раствор, и рот опять наполняется им.

– Мамочка, мамочка! – повторяет Лолли. У неё светлые хвостики, мягкий животик, пухлые щёчки, как у моего хомячка. Милые зверюшки, хомячки и дети, когда они толстенькие – они такие чудесные. Я прижимаю ладони к губам, пальцы становятся липкими, кровь в лунном свете кажется чёрной.

Я стою посреди дороги, залитой светом. Позади меня – машина Тига, я рвусь вперёд, я хочу идти по улице вслед за ним. Меня качает воздушный поток, шатаюсь, я иду к дру-

гой машине. Она так далеко, у поросшего травой скошенного холма. Тиг подходит к нему и стонет, рухнув на колени.

Я вижу Лолли, и у Лолли красное лицо. Её голубые глаза – лиловые синяки, огромные, мокрые. Малютка Пол, который никогда не спит, заливается плачем в машине. Я вспоминаю слова миссис Шипли – дорога его убаюкивает. Пол сидит рядом с Лолли в той половине машины, которая похожа на машину. Но передняя её часть – жуткая, изогнутая, чёрно-белая масса искорёженного металла. Капот смят в лепёшку, смята водительская дверь. Красивая миссис Шипли молча смотрит на меня сквозь разбитое окно, и её тело ниже ключиц тоже смято.

Я подхожу ближе, и Лолли, увидев меня, говорит:

– Эми, Пол плачет?

– Миссис Шипли, – зову я, но уже вижу, что миссис Шипли стала чёрной массой, растёкшейся по обломкам машины. Все её внутренности теперь снаружи. Её лицо всё так же красиво, даже забрызганное чёрно-красной жижей, даже с остекленевшим взглядом мёртвых, широко распахнутых глаз.

Я чувствую, как падаю, бьюсь об асфальт голыми, широкими коленями. Меня рвёт на дорогу солёным, чёрным и красным.

– Мамочка! Мамочка! – плачет Лолли, и её голос всё тише. Лолли устала, и я тоже устала. Пол заливается плачем так далеко. Пожалуйста, пусть окажется, что мы спим, что

мы лежим на грязном матрасе, как хотел Тиг. Тиг воет, как животное, стоя на четвереньках.

Красивое тело миссис Шипли вывернуто наизнанку и распахнуто, и этот выбор сделала я. Я вытащила нас на дорогу. Я это понимаю. Это мой выбор, и я ничего не могу вернуть назад.

Моё лицо застывает в маске. Моё лицо так удивлено. Я не знала, что впереди ожидает нечто – такое глобальное, такое страшное, и мы никогда не сможем этого изменить, оно останется в моей жизни, в нашей жизни, навсегда.

Я лежу на асфальте в собственной рвоте, Лолли кричит «Мамочка!», и последнее, что я вижу, прежде чем уплыть в никуда – мёртвое, мёртвое, красивое лицо миссис Шипли, кровь, опутавшую паутиной её бледную кожу, её широко распахнутые голубые глаза, бледно-серые в лунном свете. Последнее, что я вижу. То, что никогда, никогда не смогу забыть.

Глава 3

Я барахталась, болталась в густой волне страха, бросающей меня навстречу мечтам о смерти, не дававшей спать. В метаниях между сном и явью я на одну секунду – чудовищную, бесконечную секунду – представила, что Анжелика Ру знает всю мою подноготную. Если она владеет информацией о моём прошлом, она владеет и мной. Она может, держа мою историю на раскрытой ладони, как маленький подарок – ягоду, конфету, утёнка – протянуть её Дэвису, Мэдди, Шарлотте, любому соседу, любому из моих коллег. Будет ли мой муж считать меня той же, что сейчас? Эта мысль, окончательно разбудив меня, с силой ударила, искорёжила, лишила воздуха.

Я потёрла лицо, села. Ру никак не могла знать о моём прошлом. Это было невозможно, разве что она умела читать мысли. Серый свет в окне подсказал мне, что уже светает; логика же сказала, что Анжелика Ру не обладает надо мной *такой* властью. Но даже частые, медленные вдохи и выдохи по дайверской методике бессильны были меня успокоить. Я слышала её гортанный голос, видела её всезнающий взгляд. *Приходи в гости. Как-нибудь. Нам нужно о многом поговорить.*

Детский монитор начал издавать тонкое, недовольное пиликанье. Оливер проснулся и хочет есть. Я поднялась, от-

ключила звук, чтобы Дэвис не услышал. Муж спал, и я не хотела нарушать его сон.

Сменив раздутый подгузник, в котором Оливер провёл ночь, я принесла малыша в нашу кровать. Он заморгал и ода-рил меня кривобокой улыбкой, показав пару крошечных зу-бцов посреди нижней десны. Ребенок был беспощадно равно-душен к моим проблемам.

Сама того не сознавая, я улыбнулась ему в ответ и про-шептала:

– Доброе утро, чудесный малыш.

Оливер подполз ко мне, сопя и хрюкая, я приподняла фут-болку, чтобы он мог пришвартоваться прямо к груди. Он принялся старательно сосать, вцепившись в футболку обе-ими руками. Я подумала – интересно, просочатся ли в мо-локо плохие мысли, как, несомненно, просочился джин-то-ник, которым я вчера накачалась. Вздохнув, я пообещала се-бе быть спокойной и милой ради моего мальчика.

Очертания его тельца в неясном свете казались мне бес-конечно прекрасными. Я любила его большую, круглую, как у Чарли Брауна⁵, голову, пока ещё почти лишённую волос. Весь в папочку, говорил Дэвис, печально улыбаясь и проводя рукой по собственной растущей лысине. Оливер получился похожим на Дэвиса, но у него были мои глаза, широко поса-женные, ярко-зелёные. Он был, несомненно, просто чудом, и его сделала я. Я привела его в этот мир.

⁵ Персонаж комиксов 1950–60-х годов.

Положив ладонь ему на спинку, я слушала, как бьётся его маленькое, сильное сердце. Забота о малыше пробуждала гормоны, сглаживавшие острые углы моей жизни. Огромный, мрачный мир по утрам, когда я занималась простыми, рутинными делами, сжимался до размеров маленького – в нем поднимается и опускается широкая грудь Дэвиса, чуть дальше по коридору спит наша Мэдс, а ярко-лиловые фиалки на клумбе просыпаются, чтобы встретить солнце. Но сегодня всё было иначе.

Я не могла избавиться от чувства, что Ру затеяла эту игру из-за меня.

Так *быть* не могло. Но именно так *чувствовалось*. Эта игра была придумана, чтобы повесить свой социальный статус, и будь Тейт поумнее, она бы это поняла. Мне всё должно было стать ясно, ещё когда Ру заняла место Шар, очевидно означавшее власть, с таким видом, будто оказалась там случайно. Это был продуманный план, и целью его стала нелепая игра, в которой женщины показали все свои слабости. Ру охотилась на виновных, она запустила крючки в меня и Тейт Бонакко. Её Ру выудила без проблем, но вряд ли она могла себе представить, насколько высоки ставки в моём случае.

Всё, чего она от меня хотела – чтобы я переплюнула Тейт. Не самая высокая цель. Я просто накрутила себя, перенервничала. Поэтому Ру в меня и вцепилась. Что я ей показала? Лишь что я в чём-то виновата – это, в общем, нормальное человеческое состояние.

И всё же мысли не давали мне покоя, даже когда я медленно гладила тёплую спинку Оливера, глядя, как солнце льёт в комнату лимонный свет. Раньше мне было нечего терять. Прошедшие семь лет подарили мне Шар, вслед за ней Мэдди и Дэвиса и, наконец, Оливера – один за другим они пришли в мою жизнь, и наконец, я впервые оказалась *дома*.

В семье, где я росла, мама выше меня ставила моего брата, папа – свою работу. После катастрофы всё стало намного хуже. Отец винил меня за то, что пришлось поменять все карьерные планы и переехать в Бостон, а мать? Для неё я словно покрылась тефлоном. Прежде она смотрела на меня, хотя бы для того, чтобы взглядом выразить неодобрение. После аварии – не смотрела вообще. Я кое-как закончила школу, и, думаю, для всех нас стало облегчением, когда я выбрала захудалый колледж на другом конце страны. Удивительно, как я вообще куда-то поступила с такими оценками – хотя у меня были бабушкины деньги. Дети, за которых платят, куда-нибудь да поступят. Я перебралась в квартиру-студию возле общежития, но в колледже так ни разу и не появилась. Это было неважно.

Стипендия имела отношение лишь к студентам колледжа; не посещая занятия, я не могла ни на что претендовать, поэтому, чтобы платить за аренду, я обслуживала столики, а потом работала в дайвинг-центрах. Я встречалась с музыкантами, чьи татуировки, ленивая походка и заблудшие души напоминали о Тиге, но, конечно, ни один из них не относил-

ся ко мне и наполовину так хорошо, как он. В девятнадцать, пока я неловко пыталась привести себя в порядок, еще до того, как занялась дайвингом, я отправилась в Вегас с серфингистом по имени Джеймс Ли, и утром мы проснулись жена-тими. Мне нравился Джеймс, но я чувствовала себя совсем одинокой, даже когда он спал рядом. Несколько месяцев спустя, заполнив форму, которую нам выдали в местном зале суда, мы без лишних драм развелись. Всё, что мне осталось – его фамилия.

Жизнь в Калифорнии была как роды – со временем забылось, до чего это было ужасно. Вплоть до этой игры, чёрт бы её побрал. Она проникла в меня, как инфекция, прожгла до глубин, и всё, что было давным-давно похоронено, выплыло на поверхность. Я уже много лет не ощущала своё прошлое как нечто весомое, физическое, но сейчас оно давило на живот, кололо руки.

Может быть, мне *нужно* было поговорить с ней? Вообще. Не об игре. Может, угостить её пирогом. Мы всегда угощали новых соседей – это тоже придумала Шар, а я помогала ей заправлять базой всех телефонных номеров этих соседей, в особенности тех, кто мог быть полезен: сантехников, кровельщиков, газонокосильщиков, даже подростков, которые могли посидеть с детьми. Жителей домика Спрайта мы не угощали – они обычно не задерживались дольше, чем на два месяца. Но Ру пришла в книжный клуб.

Я могла бы пройти два квартала до её переулочка, легко, ра-

достно заявиться к ней без приглашения. Поболтать о воспитании подростков, о «Доме Мирта» и, увидев, что она не против, понять, что её игра не направлена на меня. Расслабиться.

Если она вновь поднимет тему игры и спросит, почему я так разозлилась, что всех выгнала, можно изобразить обиду. Даже изображать не придётся – я в самом деле обиделась. Нечего лезть в мою жизнь. Я просто и ясно объясню ей, что её мерзкая игра вызвала во мне неприятные воспоминания из детства – так ведь и было! – и сменю тему.

Теперь, когда у меня был план, мне не терпелось подняться и начать его воплощать. Оливер опять уснул, по-прежнему уцепившись за мою футболку. Когда ел по расписанию, он был настоящим чудом. Когда нет – ужасом на крыльях ночи. Я прижала палец к его нижней губе, ощутила тёплое дыхание. По щеке скатилась струйка молока, он перевернулся на спину, растопырив толстые ножки.

– Дэвис, – сказала я тихо, и мой голос прозвучал так буднично, – тут спит Оливер, смотри не задави.

Он приоткрыл глаз, перевернулся на бок, большой рукой погладил Оливера.

– Никакого давления, – пообещал он.

Выбравшись из кровати, в полумраке натянув спортивные штаны и свежую футболку, я пошла будить Мэдди в школу, как в любой нормальный будний день. Огромный ком одеял проворчал:

– Уходи, чудовище.

Я ухмыльнулась.

– Опоздаешь на автобус.

– Меня подвезут, – буркнул ком, и я оставила ее в покое.

Когда девчонок подвозила мама Шеннон, Мэдди можно было поваляться ещё пятнадцать минут.

Я спустилась вниз, включила кофемашину. Мне сильно не хватало кофеина, и я могла порой отхлебнуть из чашки Мэдди или Дэвиса. Потом занялась домашними делами: нескончаемой стиркой, мытьём посуды, пассировкой грибов и томатов для яичницы.

Всё это ощущалось как спектакль. Будто закадровый голос говорит: *Вот, смотрите, это моя семья, и моя подруга Шар, и все остальные. Я нормальный человек, я готовлю настоящую еду, где много овощей и протеинов, чтобы день моей семьи начался с приятного и полезного. Здоровые триста калорий – для себя.*

Когда я закончила готовить завтрак, никто так и не появился, так что я, завернув яичницу в куски лепёшки, добавив авокадо и соус сальса, обернула всё это пищевой плёнкой, чтобы не остыло. Стоя у ступенек лестницы, крикнула:

– Эй, ребята, опоздаете!

– Вонючий взрыв! – закричал в ответ Дэвис. – Спасайся, кто может!

Я улыбнулась. Маленькая катастрофа тоже добавляла ощущения, будто всё нормально.

– Мэдс! Если ты ещё в постели...

– Да блин! – буркнула она, но, судя по голосу, уже встала.

Когда я доела свою порцию, по лестнице пулей сбежал Дэвис с голым Оливером на руках. Держа сына под мышки, протянул мне.

– Забирай мелкого засранца!

– Амамамама! – сказал Оливер, и, хотя это вряд ли было слово, я всё же думала, что он имеет в виду меня. Он нетерпеливо сучил ножками, хотя видел меня каждый день, целый день.

Я посадила его на колени, и он тут же сгрёб полную пригоршню моих волос. Дэвис торжественно, как официант сложенную салфетку, вручил мне ползунки с мультяшными собаками.

– Простыни я снял, – сказал он. – Они в корзине с крышкой на лестничной площадке. А этого господина сунул под душ, потому что иначе пришлось бы извести целую гору салфеток.

Я посмотрела на мужа, стоявшего посреди залитой солнцем кухни и рассказывавшего о привычных вещах, пока ребёнок, которого мы сделали вместе, тянул меня за волосы и фыркал. Эта простая жизнь, полная стирки, подгузников, занавесок с узором из яблок, была мне так дорога. В это утро она ощущалась ужасно хрупкой.

– Ты настоящий герой, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал как обычно, и упаковывая ему завтрак. – Закину про-

стыни в стиралку, как освободится, а потом почищу ванную.

– Это не поможет. Когда Мэдди уйдёт в школу, вам с Оливером лучше поджечь дом. Только не забудьте выйти на улицу, – он посмотрел на часы. – Жаль вас оставлять, но...

– Я поняла, – сказала я, отдавая ему яичное буррито в обмен на ползунки.

– Юго-западная кухня? – спросил он с надеждой и, когда я кивнула, воскликнул: – Я не заслужил такой жены!

– Это уж точно, – ответила я, надеясь, что мои слова звучат не так иронично, как ощущаются.

Чмокнув меня в уголок рта, он ушёл. Я одела Оливера, усадила на высокий стул, положила перед ним несколько хрустящих колечек из сухого завтрака, чтобы ему было чем заняться, пока я готовлю овсянку на сцеженном грудном молоке и открываю банку с яблочным пюре. Я уже собиралась вновь окликнуть Мэдди, но загудела машина, и она сбежала вниз по лестнице. На ней было короткое голубое платье-рубашка и гольфы с безумными оленями. Ни на одной планете эти вещи не сочетались, и уж тем более они не сочетались с выдавшими виды сине-оранжевыми теннисными туфлями. Когда она пробежала мимо, я заметила, что она накрасила ресницы тушью, а губы – липким розовым блеском. Большую часть жизни моя девочка проводила в леггинсах и выдавших виды футболках. С чего она вдруг решила предстать во всеоружии?

– Люблю тебя, Чумачеха! – пробасила она. Я поднялась.

– А завтракать?

– Я не голодная, – крикнула она из гостиной.

– Подожди, Мэдс! Мэдисон!

Ответом мне стал лишь резкий и громкий стук входной двери. Высыпав перед Оливером ещё немного колечек, я схватила буррито и побежала за ней. Я успела как раз, чтобы увидеть вишнёво-красный сияющий Инфинити с откидным верхом, а ещё развевавшиеся на ветру постриженные кудряшки Мэдди и длинные чёрные волосы Луки.

Я готова была рвануть за ними по лестнице, крича, как гарпия. Я была зла. Никто никогда не разрешал ей ездить в школу с несовершеннолетним водителем, тем более мужского пола. Я удостоилась лишь неразборчивого бурчания из-под одеяла, до последней секунды она молчала, вне всякого сомнения, не желая вести разговор, который привёл бы к необходимости врать. Но они были уже далеко, а музыка играла слишком громко, чтобы они могли меня услышать. К тому же я не могла оставить Оливера в компании колечек больше, чем на пять секунд, не боясь, что он подавится.

Я вернулась в кухню, готовая, усадив Оливера в машину, ехать за ними. Это, конечно, была слишком бурная реакция, и я опозорила бы Мэдди хуже некуда.

Сев, я принялась запихивать в малыша завтрак, пока он стучал ложкой, забрызгивая нас обоих овсянкой и пюре. Его мир был таким маленьким и безопасным... а Мэдди мчалась на машине со странным мальчиком в гораздо больший мир.

Почему такой парень, как Лука, решил подвезти в школу нашу Мэдс?

Мэдди была красивой. С нашей точки зрения. С точки зрения многих взрослых. Но не той красотой, какую способны оценить старшеклассники. От отца ей достались большой нос и густые брови, а несколько недель назад, в порыве отчаянной борьбы с прыщами, она взяла ножницы и выстригла густую кривую чёлку, торчавшую во всех направлениях. Она была из тех девушек, что расцветают в колледже, где рамки идеала красоты расширяются и туда могут вписаться девушки с яркими чертами, сияющими тёмными глазами, да и юноши, повзрослев, воспринимают их уже по-другому.

Лука же, в свою очередь, был мечтой любой девчонки. Острые скулы, капризный рот, как у Джеймса Дина, безупречная кожа – казалось, он был вырезан из мрамора. Добавьте к этому шикарную машину, и за него будут бороться все чирлидерши. Я не представляла его в компании прыщавых шизиков, с которыми дружила Мэдди.

Если только он гей? Пожалуйста, взмолилась я, пусть он будет геєм. Вряд ли Ру научила его быть осторожным с девичьими сердцами. Вчера вечером она сама внесла раздрай в женский коллектив. И какая мать посадит подростка за руль такой машины? Впрочем, я, конечно, уже знала какая. Я вчера её видела. Любительница мешать дерьмо. Огромной ложкой.

Когда Оливер доел, я позвонила в школу, желая убедить-

ся, что Мэдди и Лука не прогуляли во имя других планов. В журнале она отметилась, значит, эта поездка стала худшим на сегодня поступком. Но весь драматизм, по большей части, заключался в Анжелике Ру, которой мне в эти два дня уже хватило.

Я отнесла Оливера в гостиную, где его не подстерегали никакие опасности. Там был телевизор, два удобных коричневых кожаных дивана, любимое кресло Дэвиса и множество встроенных книжных полок. Нижние были заставлены пищащими мягкими игрушками. Я поставила барьер, чтобы Оливер не заполз на кухню, где я готовила, и, помешивая ингредиенты для пирога, поглядывала, как сын возится на низком кофейном столике, отвечала на его бульканье и фырканье.

Когда пирог был готов, мы с Оливером поднялись наверх, чтобы отмыть ванную, бросить в стиральную машинку грязные простыни, перестелить постель. Я как раз собиралась посмотреть, как там пирог, но тут услышала скрип входной двери.

– Эми? – позвала Шар из прихожей. Я посмотрела на часы на микроволновке. Девять пятнадцать, мать твою.

– Я на кухне, – закричала я в ответ.

Каждое буднее утро мы с Шарлоттой обязательно шли на прогулку. Как я могла об этом забыть? Видимо, и впрямь голова не работала. Но ещё хуже было то, что, поглощённая своими несуществующими проблемами и обидой на Мэдди,

я не придумала, как быть с Тейт Бонакко и Шарлоттиным мужем. *Это* была настоящая проблема, конкретная, требующая немедленного решения, и на меня было совсем не похоже ставить интересы Шар не на первое место. Она стала для меня самым главным человеком с тех пор, как семь лет назад сунула свой нос в «Школу Ныряльщиков», где я только-только начала работать, и спросила, даём ли мы уроки плавания взрослым.

Я сидела в пустом кафе и думала о том, как провалила свою миссию. В тридцать пять лет я приехала во Флориду. В этот год Бойс Скелтон, корпоративный юрист фирмы, которая заправляла нашими семейными расходами, позволил мне и сказал, что срок действия бабушкиного целевого фонда для колледжа истёк. Деньги, коих к тому времени скопилось больше полумиллиона долларов, поступили в моё полное распоряжение. Как только он это сказал, я подумала о Тиге Симмсе. Не успел Бойс повесить трубку, в моей голове начал вырисовываться неясный, непродуманный план, как отдать Тигу эти деньги.

Первым делом следовало его найти, а значит, вернуться во Флориду. Он всегда тесно общался со своим бывшим отчимом, Тоби, который засунул его в Брайтон. Приехала в автосервис «Винтажные колёса», где работал Тоби, попросила помочь с выбором несуществующего подарка на Рождество для моего несуществующего мужа. Мы с Тоби поболтали немного, и я вскользь упомянула, что знакома с Тигом —

якобы по общей компании, не по школе. Тоби рассказал, что у Тига всё хорошо, он живёт в Мобиле, доехать до него – час с копейками. У него свой бизнес, тоже автосервис и магазин запчастей. Называется «Реставрация».

Я села в машину и поехала в Мобиль, но, едва выехав за черту города, повернула обратно. На следующий день попыталась снова. И снова. Дни сменялись неделями, недели месяцами. Я устроилась работать в «Школу Ныряльщиков», чтобы платить за еду и аренду, не меньше двух раз в неделю ездила в Мобиль и, не доехав милю-две, отправлялась назад. Как будто играла в игру «Мама, можно?»⁶, только заранее отлично знала, что сказала бы моя мама.

В тот день я сидела в пустом кафе «Школы Ныряльщиков» и думала, что пора бы вернуться в Калифорнию, к своей пустой бессмысленной жизни. Там я тоже винила бы себя за бездействие и трусость, но хотя бы на расстоянии. Но, увидев сквозь приоткрытую дверь лицо Шарлотты, юное, круглое, серьёзное, румяное от смущения, когда она призналась в своём страхе перед океаном, я подумала: *Вот оно. Маленький, но хороший поступок, который я сегодня могу совершить.*

Я записала её в группу, ещё не зная, как много это изменит. Через несколько месяцев Шар стала моей лучшей по-

⁶ Игра, в которой Мама (один из участников) разрешает или не разрешает другим участникам сделать определённое количество шагов определённого вида (маленьких, больших, прыжков и т. д.). Выигрывает тот, кто добрался до Мамы первым.

другой. Я стольким была ей обязана, и не только потому, что она была Шар. Она подарила мне Мэдди, Мэдди подарила мне Дэвиса, а Дэвис – Оливера. Она подарила мне новую, чудесную жизнь.

Она вошла на кухню, толкая коляску с Руби. Ее живот уже потихоньку начал становиться заметнее. Маленький ребёнок, вот-вот появится второй – о чём, чёрт возьми, думал Филлип Бакстер? Не то чтобы я была удивлена. Мне никогда не нравился самодовольный муж Шарлотты, воспринимавший её как должное. Дэвис звал его Гарнир – в том смысле, что чудесная Шарлотта подаётся только с ним – хочешь не хочешь, а ешь.

Я начала было извиняться, но она лишь отмахнулась.

– Я так поняла, у тебя похмелье? И, Господи, во сколько ты выгнала её из дома? – спросила Шар вместо приветствия. Кто «она» – вопроса не стояло.

– На рассвете, – буркнула я.

– Вот сука, – без колебаний сказала Шарлотта, пусть даже второе слово она произнесла одними губами, чтобы дети не слышали. Но я всё равно округлила глаза от удивления. Обычно Шар в гнев восклицала что-нибудь типа «крыса» или «гадость».

Руби уже расстёгивала ремень безопасности, кричала «Эл-мо! Эл-мо!» и тянула ручки к телевизору. Обычно, пока Шар торчала у меня на кухне, малышка смотрела «Улицу Сезам».

– Последней ушла не Ру, а Тейт, когда закончила блевать, – заметила я, отводя Руби за барьер.

– Привет, Оббибер, – сказала Руби.

– А кто в этом виноват? – спросила Шар, включая телевизор. – Красное или белое? Красное или белое? – передразнила она. – Как будто это её дом. Как будто она тут хозяйка. Что было после того, как я ушла?

Я рассказала ей об игре Ру, потому что это ведь была Шарлотта, которой я вот уже семь лет рассказывала обо всём – ну, почти обо всём.

– Уверена, – сказала Шар, – что Тейт Бонакко победила во всех раундах. Она жуть как любит побеждать, а мозгов ей Бог послал меньше, чем рыбе. Она в чём хочешь признается. А ты играла?

Вопрос сам по себе ничего не значил, но содержал в себе намёк. Шар должна была выяснить, насколько я заинтересовалась Ру, прежде чем она всё испортила.

– Чёрт возьми, нет! – твёрдо сказала я, первое слово – одними губами. Руби задорно распевала хором с Маппетами, помахивая плюшевым ягнёнком, но слух у неё был отличный, а возраст – самый попугайский. – Я стояла на лестнице, пьяная, и старалась вести себя достаточно сурово, чтобы они ушли.

Она с облегчением рассмеялась.

– Представляю, как это помогло. Если честно, это самая нелепая игра, о которой я слышала. Зачем мне знать, какие

гадости делали мои соседи в том году или вообще? И далеко они зашли? Были сенсационные признания?

– Неа. Все слишком напились, – ответила я. Мне не хотелось никакой конкретики, потому что эта дорога неизбежно привела бы к Тейт Бонакко, Филлипу и барбекю «Назад в школу». – Большую часть вечеринки я пропустила, пытаюсь уберечь Мэдс от флирта на лужайке.

– О Господи! Этот парень, Лука... он ужасен. Я сказала бы это, даже если бы не видела его жуткую мамашу. Он слишком крутой, – сказала Шар. – Но я бы не стала волноваться. Он найдёт свою компанию, и вряд ли это будет список отличников.

– Я тоже так думала, но сегодня утром он отвёз Мэдс в школу.

Шар широко открыла рот, и, прежде чем она успела спросить, не спятили ли мы с Дэвисом, я объяснила:

– Мэдс обвела меня вокруг пальца. Я думала, её подвезёт мама Шеннон, а не этот тип на безумном красном спорткаре.

– Это не его спорткар. Это спорткар Ру. Во всяком случае, единственная их машина. Суперновая, видимо, модель этого года, – Шарлотта принялась. – Ты *печёшь*?

В подростковом возрасте у Шар тоже были сложные отношения с едой, и я достаточно рассказала ей о своих. Она знала – в моём доме конфет не держат.

– Пирог. Для Ру, – сказала я. Мне не хотелось врать ей о таких мелочах. – Ещё принесу ей план окрестностей. И

невзначай упомяну, что мамы тинейджеров играют в кости, а не ходят в книжный клуб.

Шар рассмеялась.

– Гениально! Натрави её на них!

В дверь позвонили. Шар вопросительно посмотрела на меня, но я никого не ждала. Я пожала плечами, широко раскрыв глаза. Я знала – это Ру. Это точно Ру. Она вернулась, чтобы довести до конца свою проклятую игру, и в этот раз в присутствии Шарлотты.

– Приглядишь за мелкими? – спросила я и отвернулась, чтобы она не видела моей натянутой улыбки. Прошла через откидную дверцу в длинный коридор с широкими арками со стороны кухни и гостиной. Путь до входной двери был невыносимо далёким.

За дверью оказалась всего-навсего Тейт Бонакко. Второй человек, которого я в это утро хотела видеть меньше всего. Но всё же я выдохнула с облегчением и лишь тогда поняла, что затаила дыхание. Тейт держала в руках белую коробочку с выпечкой из «Пабликса» и улыбалась так широко, что были видны все зубы.

– Привет, Тейт, – сказала я, будто ситуация была абсолютно нормальной. Ничего нормального тут не было. Я могла по пальцам посчитать, сколько раз Тейт приходила ко мне в гости. Господи, я могла посчитать это даже по перьям своих крыльев. *Никогда.*

– Привееееет, – ответила она, сильно растягивая гласные. –

Можно зайти? Есть секунда? – свободной рукой она пригладила блестящие волосы, собранные в хвост, и без того идеально гладкий.

– Ой, я... – начала было я и запнулась, повернувшись, внезапно вспомнив, что Шарлотта здесь, нас разделяет лишь коридор и тонкая откидная дверца. Тейт, приняв это за знак согласия, прошла мимо меня в дом. Прежде чем она что-то сказала, я очень громко крикнула:

– Шар, у нас Тейт! Проверь, как там пирог?

Услышав имя Шар, Тейт замерла, впилая в меня взглядом. Её щёки ярко, виновато вспыхнули. Я повернулась к кухне, всем телом ощущая неловкость, но Тейт схватила меня за руку.

– Ты ей сказала? – прошептала она, переводя взгляд с одного моего глаза на другой в поисках ответа. Видимо, она его нашла, потому что выдохнула и кивнула. – Пожалуйста, не надо! Это был лишь поцелуй. Глупый пьяный поцелуй, – когда я не ответила, она разжала хватку и сменила тактику. – Ты разрушишь её брак.

– Ха, но и твой тоже, – сказала я тихо, но не настолько, чтобы она не услышала в моём голосе яд. Ей хватило ума опустить глаза.

– Прошу тебя, – сказала она. – Ничего не было.

Я отвела глаза. Вчера вечером было очевидно, что она имеет в виду не просто пьяный клевок в губы. Тейт собиралась рассказать что-то в самом деле мерзкое, но сдала назад,

увидев шок Панды и осуждение Лавонды. Если бы они заулыбались и проявили грязный интерес, она, возможно, рассказала бы больше.

Но «возможно» – важное слово. И чёрт бы побрал Тейт Бонакко, поставившую меня в такое положение. Теперь я должна шептаться с ней в прихожей за спиной у лучшей подруги. Я хотела поступить правильно по отношению к Шар, но не знала как. Я не хотела причинить ей боль, но, если это был не только поцелуй, нужно было ей рассказать.

Что, если я расскажу и это разрушит нашу дружбу?

Эта неожиданная мысль оказалась веским аргументом. Женщины, которые настроились отрицать, часто срываются на тех, кто принёс плохие вести. Могут даже вычеркнуть их из жизни.

Я тут же устыдилась своих мыслей. Нужно было поступить правильно по отношению к Шарлотте, пусть даже это и пришлось бы бумерангом по мне.

– Я не хочу, чтобы Шар от кого-то об этом узнала, – сказала я.

– Панда и Лавонда сплетничать не будут, – заверила Тейт. – Я хочу задобрить Ру, но она все равно думает, что это был незнакомец на парковке. Все так думают. Я никому не расскажу, что это был... – она замолчала и показала пальцем в сторону кухни, где сидела Шар.

Может, подумала я, правильно будет ничего не делать. Представила себя на месте подруги. Если бы Дэвис так по-

ступил, хотела бы я, чтобы Шар мне рассказала?

Ответа быть не могло. Всего пива в мире не хватило бы, чтобы Дэвис снюхался на барбекю с Тейт Бонакко. Дэвис был... *порядочный*, вот какой. Это качество не бросалось в глаза, это было тихое, врождённое благородство. Основоплагающая его черта. Когда мы впервые встретились, он показался мне до того приличным, что я поняла, отчего Мэдди зовёт его «папочка-лапочка». Со временем я осознала – всё, что говорит Дэвис, он говорит всерьёз. Если дал обещание, он его выполнит.

– Прощу тебя, – повторила Тейт, на этот раз с напором.

Дверь на другом конце коридора приоткрылась, Шар высунула голову.

– Думаю, пирог готов. Я его вынула из духовки. Привет, Тейт.

– О, привет, Шарлотта, – сказала Тейт безо всякого энтузиазма.

– Там ещё остался кофе, будешь? – с улыбкой спросила Шар, пока мы шли по коридору обратно в кухню. – Эми говорит, у тебя выдалась тяжёлая ночь.

Тейт вновь поправила причёску.

– Не знаю, что на нас нашло.

– Да ну? – удивилась Шарлотта. Она принесла Тейт кружку, чувствуя себя как дома у меня на кухне. – Вот я очень хорошо знаю, что на нас нашло.

– Ящик вина? – спросила я жизнерадостнее, чем чувство-

вала себя по этому поводу. Большая часть моего прекрасно-го джина тоже отправилась напрямик в глотку Тейт, хотя, по правде сказать, тут же вернулась обратно в латунное мусорное ведро.

– Хорошая версия, – сказала Тейт. Обычно такие дружеские подколки были в порядке вещей, но сегодня мне во всём виделся намёк.

– Вообще-то я имела в виду Ру, – отрезала Шар. Она, очевидно, тоже заметила этот намёк. Налив кофе в чашку Тейт, она не добавила ни сахара, ни сливок. Тейт не любила лишних калорий.

– Да уж. После того, что случилось, я от неё уже не в восторге, – сказала Тейт, украдкой взглянув на меня. Я отвернулась, посмотрела, как там малыши. Оливер ползал по столу, обеими руками держась за края. Руби застыла перед экраном, на котором появился её любимый Элмо.

– Эми рассказала мне про вашу игру, – сказала Шар, и Тейт напряглась всем телом. Шар ничего не заметила. – Она похожа на «Я никогда не», только на стероидах.

Тейт покачала головой.

– Не знаю такую.

– Да знаешь, конечно, – сказала Шар. – Каждый, кто хоть раз был на школьной вечеринке, её знает. – Ты говоришь: «Я никогда не списывала на контрольной». Или: «Я никогда не целовалась в засос», – и все, кто целовался в засос, пьют, – Тейт закивала, и Шар спросила: – Ну так кто выиграл?

– А Эми не сказала? – Тейт вновь смерила меня взглядом утопающей.

– До этого мы не дошли, – сказала я.

– Да там нечего рассказывать, – чересчур легкомысленно заявила Тейт и рассмеялась, но смех показался мне вымученным и грустным. Повисла неловкая пауза, и Тейт, не в силах выдержать взгляд Шарлотты, сказала: – Победила Панда.

Конечно, подумала я, Тейт не будет рассказывать про зубную щётку. Панда ведь её лучшая подруга, она и так уже наверняка умирает от стыда. Но Тейт именно это и сделала. Я демонстративно резала пирог, пока Тейт объясняла Шар, что такое секс-верблюд и шёпотом рассказывала концовку. Шар рассмеялась, её щёки зарделись, но от того, как легко Тейт предала подругу, меня едва не стошнило.

– О Господи, – воскликнула Шар, – Эми! И ты молчала?

– Мне бы тоже не следовало это рассказывать, – заметила Тейт.

– Да. Не стоило, – согласилась я, но Тейт не обратила внимания.

– Панда меня убьёт... и потом, не будем осуждать друг друга. Ну кто в этой кухне – ангел? Я могу признаться в целой куче глупостей – для общей картины они не имеют значения, но сами по себе довольно постыдны, – сказала Тейт, и я ощутила, как она буравит меня взглядом. – Пожалуй, лучше сделать вид, что этого никогда не было.

– Я никогда не играла в дурацкую игру, – Шар улыбнулась.

До Тейт не дошло, поэтому Шар отхлебнула глоток кофе из её нетронутой чашки. Тейт смутилась.

– Подожди... ты пьёшь, если *делала*. В игру ты не играла. Ты ушла, когда мы ещё не начали.

– Ну, играла же я когда-то в глупые игры. В «Правду или действие», во всякую такую чепуху. Однажды, в школе, даже в бутылочку, – она отхлебнула ещё глоток и вернула Тейт чашку.

– Не жульничай! – сказала я, чтобы разрядить обстановку.

– Я скучаю по кофе больше, чем по алкоголю, – Шар вздохнула и обняла свой живот. Но на этот раз Тейт решила стоять на своём.

– Если мы с Эми не пили, можем мы все сделать вид, что никто не играл в эту идиотскую игру? – она смотрела прямо на меня до нелепости многозначительно. Неужели она правда думает, что чашка кофе способна изменить прошлое? Что мы рука об руку войдём в мир, где она ни в чём мне не признавалась?

Можно было предать её грех забвению. Я знала это лучше всех. Вернуть ей чашку и замолкнуть навеки. Никогда об этом не упоминать. Пусть уляжется. Пусть со временем уйдёт в небытие. Мы смотрели друг на друга так долго и напряжённо, что брови Шар поползли вверх.

– Это просто шутка, – отрезала я. Подняла чашку, будто произнесла тост, и отхлебнула. Тейт тихо, сердито выдохнула. Поставив чашку в раковину, я решила сменить тему.

– А что привело тебя сюда в это утро, Тейт?

– А, да. У тебя есть план окрестностей? – спросила Тейт, и ещё до того, как она подняла белую коробочку, я знала, что будет дальше. – Я подумала – мы же ничего не подарили Ру, и, может...

Шар громко рассмеялась.

– Вот он, подарок, на кухонной стойке. Эми по той же причине испекла пирог. Думаю, ей эта игра понравилась не больше, чем тебе, и уж точно не больше, чем мне. Эта женщина весь клуб разнесёт. Эми хочет натравить её на сборище любителей настольных игр.

Тейт посмотрела на меня с уважением, как на великую авантюристку.

– Правда? Вот это стоящая идея.

Я улыбнулась, но в глубине души мне было страшно. Сначала Тейт, заявившись ко мне на порог, во всём призналась. Теперь она собралась ползти на животе к дому Ру и пытаться отыгаться за прошлую ночь. Её план был настолько очевиден, что мне стало стыдно – потому что это был и мой план.

Если бы я заявила к Ру с печёными дарами и планом ближайших окрестностей, распечатанным на четырёх страницах, я всем своим видом выдала бы, что Ру не подвело чутьё, что я без проблем могла бы победить в её идиотской игре. От меня за версту несло бы слабостью. С тем же успехом я могла бы заявиться к ней в футболке с надписью: «Да, ты видишь дым. А вон там огонь».

В этот момент Оливер потерял равновесие. Он с трудом сел и удивлённо, сердито зафырчал, готовясь зареветь.

– Ой-ой, Оббибер! Кто у нас свалился?

Голос Шарлотты успокоил малыша, и он решил не плакать, лишь нахмурил брови. Я пошла к детям, чувствуя, как взгляд Тейт упирается мне в спину, но не обернулась. Возилась с ними, пока Шар печатала план и выпроваживала Тейт. Я не давала ей никаких обещаний, даже молчаливых.

А что касается Ру, тут ничего нельзя было поделать. Лучше и в самом деле было не делать ничего. Подлизываться к ней, как Тейт, означало навлечь на себя ещё больше подозрений. Я беспокоилась, нервничала, но лишь наедине с собой. Лучше всего, решила я, оставить Ру в покое, тогда ничего не случится.

Я не думала, что Ру меня узнала. Судя по произношению, мы никак не могли быть из одного штата, и даже если это было так, Ру выглядела слишком молодо, чтобы помнить меня лично. Меня не помнил никто, даже моего возраста и старше. Те, кого я узнавала, смотрели прямо сквозь меня.

На второй день моего пребывания во Флориде, в продуктовом, я натолкнулась на своё прошлое в лице старого пастора – мы столкнулись тележками, когда он шёл в отдел круп. Он посмотрел на меня. Прямо в лицо. И всё, что сказал – «Извините, мэм», после чего продолжил заниматься покупками. Я смотрела ему вслед, открывая и вновь закрывая рот, но слова не шли. Спустя несколько дней я увидела в биб-

блиотеке бывшего папиного секретаря – в первую неделю работы в «Школе Нырляльщиков» парень, с которым мы вместе сидели на английском, пришёл записать на занятия свою дочь. Они меня не узнали. Никто. Не было даже смутного воспоминания, даже «мы с вами раньше не встречались?» Девочка, которая убила миссис Шипли, прожила в этом городе меньше трёх лет, нас разделяли два десятилетия, сто фунтов и три фамилии.

Я так и не поехала в Мобиль, так и не увидела Тига Симмса. Вместо этого я наняла юриста, чтобы он выяснил, как у Тига дела, и узнала, что у него проблемы с бизнесом. Две ипотеки, одна из них – с высокой процентной ставкой. Вместе с Бойсом Скелтоном мы с помощью того юриста основали компанию под названием «Свежие старты», официальной целью которой было помочь малым бизнесам в трудном положении. Но истинная цель была меньше и конкретнее – помочь Тигу Симмсу. Компания «Свежие старты» выдала ему три тысячи долларов, позволила спасти автомастерскую и после этого закрылась. Поскольку с Тигом я не встретилась и никто из моего прошлого не знал, что я в городе, никто не мог рассказать Ру обо мне.

Ру не могла прочесть мою историю в архиве отделения полиции или даже в старой газете. Доступ к судебным протоколам был закрыт, поскольку речь шла о несовершеннолетних; моё фото и моё имя не печатались нигде, даже в разделе дополнительной информации.

Даже если кто-то и узнал, сказала я себе, мы с Тигом были ещё детьми. Мы верили, что именно мы – хозяйева ночных дорог. Мы не думали, что в три часа ночи столкнёмся с другой машиной. Но в ту ночь, когда погибла миссис Шипли, жизнь её семьи была разрушена. Просто кошмар. То, что я сделала, изменило будущее множества людей, принесло им боль и страдания – но это был несчастный случай. Безрассудный, безответственный, но не злонамеренный поступок.

Но эти мысли не могли меня успокоить. На грудь давила тяжесть всего, что случилось после. Всезнающая Ру и её проклятая игра вызвали во мне всплеск чувств, хотя из всех живых людей только двое, я и моя мать, знали, что убийство миссис Шипли – не самое страшное из моих прегрешений. Это только начало списка.

Глава 4

– Вы часто ходили в «Вафельный домик», – сказал новый детектив. – В ту ночь Тиглер Симмс принял решение вас туда отвезти?

Я сидела на диване в своей гостиной, зажатая между матерью и адвокатом, чувствуя себя намного старше и в то же время намного младше своих пятнадцати лет. Я хотела сказать: никто не называет Тига Тиглером. Даже учителя. Я хотела спросить, в порядке ли Тиг. А больше всего я хотела узнать, можно ли его увидеть.

Но едва я набрала воздуха в грудь, адвокат положил мне на плечо мягкую, успокаивающую руку и сказал:

– На этот вопрос мы уже отвечали.

– Ну... – протянул детектив, небрежно одетый, стареющий, лысеющий тип с широким, бледным лицом. Он казался добрым, больше похожим на отца, чем на человека, который допрашивал меня в больнице. Больше похожим на отца, чем мой собственный отец, стоявший в дверном проёме между гостиной и кабинетом и излучавший раздражение и гнев. Детектив сел напротив меня, чуть наклонился, и я почувствовала, что меня окружили со всех сторон.

Сразу после аварии меня допрашивать не стали. Я была мертвецки пьяна, изо рта хлестала кровь, меня рвало кровью и кислым вином, я стонала и отбивалась. Меня увезли пря-

миком в палату экстренной помощи, хотя я не помню дорогу.

Я почти насквозь прокусила язык справа. Мне вкололи обезболивающее, отчего он стал ощущаться как инородный кусок мяса во рту, и вырезали краешек, который было уже не спасти. Мне пришлось наложить пятнадцать швов, в желудок через нос ввели трубку, чтобы откачать алкоголь и проглоченную кровь, потом меня отправили на компьютерную томографию и положили в палату.

Проснувшись утром, протрезвевшая и мучимая стыдом, я увидела возле больничной койки мать, нервную, чересчур оживлённую. Она то и дело поглаживала меня, пытаюсь успокоить. Она правда пыталась. Поначалу. Никаких обвинений, никаких нотаций, только уверения в том, что она всё исправит. Привыкшая выражать любовь в денежном эквиваленте, она рассказывала мне, что всё утро провела в поисках отличного адвоката и он уже в пути. Когда он приехал, она представила его мне как лучшего юриста в штате – с тем же видом, с каким на вечеринках подавала белугу.

У него был солидный галстук и серебристо-седые волосы, величавой копной обрамлявшие лицо. Он допрашивал меня целый час. Мой язык распух и пульсировал от боли, меньше всего мне хотелось рассказывать истории, но я старалась, как могла. Мои ответы, судя по всему, его удовлетворили. Мать сидела рядом, одобритительно кивая.

Всё было хорошо до самого конца, когда он сказал мне, что Тига арестовали и в кармане у него обнаружили полови-

ну косяка. Другие обвинения против Тига находятся на рассмотрении, добавил он, и я не смогла сдержать слёз.

Губы матери вытянулись в тонкую ниточку, она наклонилась ко мне. Я заметила у неё под глазами свежие синяки, бледно-фиолетовый цвет которых просвечивал сквозь тональный крем.

– Ты плачешь из-за этого мальчишки? Как ты можешь? Надо думать о себе. Тебя тоже могут обвинить в хранении наркотиков или в употреблении алкоголя, как говорит Митч. Скажите ей, Митч!

Адвокат покачал головой.

– Предоставьте это мне. Даже в самом худшем случае Эми вменяют лишь мелкое преступление. Приговорят к исправительным работам.

– На неё заведут досье, – сказала мать. – Это последует за ней – за всеми нами – всюду.

– Куда последует? – спросила я. Слёзы хлестали по щекам, и я была не в силах их остановить.

– Она в переносном смысле, – ласково сказал адвокат.

Мать покачала головой.

– Нет, в прямом. Нам придётся переехать. Господи, дом Шипли – в двух кварталах от нашего! Извините, мы на минуточку, – сказала она Митчу, который вежливо сделал шаг в сторону и отвернулся к окну. Мать наклонилась ко мне так близко, что почти прижалась лицом к лицу. – Впервые вижу, как ты плачешь, и из-за чего? Из-за мальчишки?

Я покачала головой. Меня накрыла такая волна вины и стыда, что я с трудом могла дышать. Почему я не легла с Тигом на матрас? В надежде и ужасе, охвативших меня после поцелуя, я упростила его уехать. Я заставила его выехать на дорогу, которая привела к убийству миссис Шипли. Я плакала всю прошлую ночь. Я знала, что буду плакать ещё очень долго, и в том числе из-за Тига. Я пыталась распухшим языком сформулировать связное объяснение, но тонкая плёнка спокойствия, скрывавшая истинные чувства матери, лопнула, и хлынула едкая жалость к себе.

– Ты понимаешь, что это изменит жизнь всей нашей семьи? Отец ищет новую работу. Ты понимаешь? Брату придётся доучиваться непонятно где, – её ноздри раздулись, губы плотно сжались, казалось, она тоже вот-вот расплачется. – Нам всем пришлось жертвовать важными для нас вещами. Из-за тебя, Эми. Мы наняли для тебя Митча, и одно это обошлось... А ты сидишь тут и ревёшь из-за мерзкого мальчишки, который втянул нас в такие неприятности! – её голос стал громче. – Ты могла отправиться в тюрьму!

– Она несовершеннолетняя, – заметил адвокат, по-прежнему глядя в окно, будто изучая облака. – Сомневаюсь, что на неё заведут дело. И даже если так, досье будет закрытым.

Но это не слишком убедило мать. Она выпрямила спину, скрестила руки, ноздри по-прежнему раздувались.

– Простите, – промямлила я, икая и сморкаясь, пытаюсь унять слёзы. Я никогда не была желанным ребёнком. Мо-

жет быть, видя идеального Коннора, прирождённого спортсмена, умника и красавца, она решила, что дети получают по спецзаказам. Может быть, окажись я стройной и блистательной, или будь я мальчиком, она любила бы меня не меньше, чем брата. Но она получила неуклюжую толстуху, которая ворует дешёвое вино и сбегает из дома с мальчишкой из неблагополучного района. Из-за меня наша гламурная, вызывающая всеобщее восхищение семья стала источником сплетен и тонких намёков на трагедию и пьянство, а я рыдаю над Тигом, вместо того чтобы быть благодарной и восхищаться тем, сколько мать потратила на адвоката.

– Я плачу не только из-за Тига. Мне так жалко Лолли и По...

– Хватит! – перебила она, и я поняла, что только усугубила своё положение. – Может, хочешь заявиться к ним и рассказать, как тебе их жалко? Дети остались без матери, бедный мужчина овдовел – может, им забыть об этом и радоваться твоим извинениям? Может, они сидят сейчас и думают: «Жалеет нас Эми или не жалеет?» Мы уезжаем, чтобы они никогда больше нас не увидели, чтобы хоть немного облегчить их боль.

– Но мне правда жаль, – пробормотала я, рыдая так громко, что адвокат уже не мог делать вид, будто его здесь нет. Он повернулся ко мне и протянул белый накрахмаленный платочек. Мать смотрела на меня, и её лицо отражало такую сложную гамму эмоций, что я не могла разобрать ни одной.

– Просто отвечай на вопросы Митча, – сказала она, и я почти перестала плакать, когда она сказала: – Надеюсь, нас не обвинят из-за того, что это ты напоила мальчишку.

К тому времени как первый детектив пришёл взять у меня показания, я была до того выжата, что весь допрос казался мне нелепым набором слов. Язык с трудом двигался, но я, как могла, рассказала всю правду, умолчав лишь о поцелуе, о своём маленьком секрете, ярком эпизоде, теперь поблёкшем. То, что мы совершили, разрушило наш поцелуй, вынудило и его считать ошибкой.

Первый детектив выпытывал детали аварии. Но после того, как Тиг меня поцеловал, мы допили вино и ещё покурили, ночь стала калейдоскопом красок и форм, утративших какой-либо смысл. Я говорила правду, и эта правда укладывалась всего в три слова:

Я не помню.

Я повторяла их снова и снова, мой распухший рот выдавал только гласные. *Я-е-ооо-ю.* Когда мы ненадолго вышли поест, всплыло первое явственное воспоминание: лицо миссис Шипли. Писклявый голос Лолли. *Эми, Пол плачет.*

Я не помнила. Богом клянусь, я ничего не помнила целых шесть дней, вплоть до второго допроса, когда новый, похожий на отца детектив пожал плечами и сказал: *Это было на прошлой неделе.*

Адвокат улыбнулся, показав голливудские зубы, квадратные, жемчужно-белые на фоне мокрого розового рта. У моих

родителей зубы тоже были безупречными, но никто из них не улыбался. Я сидела, как большая глыба, и молчала, хотя язык уже не болел. Он чудесным образом прошёл, как заверил доктор – он сказал, благодаря системе кровеносных сосудов язык всегда восстанавливается очень быстро. Зато болело всё тело. Под одеждой я была как измятый персик, в жёлтых, чёрных, пурпурных, коричневых синяках. Адвокат сказал:

– С прошлой недели ничего не изменилось.

– Давайте ещё раз, – попросил детектив. – Может, всплывёт...

– Она старается. Ходит к доктору, – перебил детектив. – Может, терапия принесёт плоды, и тогда мы с вами свяжемся.

– Её показания могут...

– Да, – вновь оборвал его адвокат. – Я понимаю, для вас будет очень удобно, если она вспомнит. Имея в наличии её показания, вы сможете вынести приговор мальчишке без свидетельств и расследований. Но это не её задача. Её задача – скорее поправиться.

Я опустила глаза, посмотрела на свои руки. На стуле в стороне сидел молодой юрист, с суровым видом что-то записывавший. Напротив него – молодой полицейский, тоже с раскрытым блокнотом. Их присутствие в этой комнате не играло роли. Значимее всего были мой адвокат и детектив. После них – мои родители. Высокий, импозантный отец в сши-

том на заказ costume, стоившем больше, чем зарплата полицейского за месяц, и стройная мама, сидевшая возле меня с очень прямой спиной. Я могла что-то сказать, но, как и лакеи, не имела права голоса. Не имела права ничего решать.

– Моя работа – сидеть здесь и задавать вопросы, пока я не получу ясных показаний, – твёрдо сказал детектив.

– Думаю, Митча это устроит, за пятьсот в час, – заметил отец. Адвокат сдавленно усмехнулся, подняв ладонь вверх.

– Все мы знаем, кто виноват в аварии, – нервно прошипела мать.

Мы знали. За рулём был Тиг. Так сказали родители и адвокат. Так сказала полиция, и это было логично. Машина была его. Он всегда водил.

Кроме одной-единственной ночи. Но об этом я не сказала. Я умолчала. Но не намеренно. Не как о поцелуе. Просто... умолчала и всё.

Адвокат сказал:

– Вы уже арестовали мальчика.

Я знала, что услышу эти слова, но всё же... Я посмотрела на адвоката, желая увидеть в его взгляде подтверждение, и увидела. Мать положила руку мне на бедро, крепко сжала, и эта хватка втолкнула меня обратно в моё тело. Моя туша вдруг стала больше места, которое на самом деле занимала на диване.

Когда я подняла глаза, взгляд детектива показался мне таким добрым. Будто он не видел мою ничтожность, мой страх.

Он смотрел так, будто адвокат, и родители, и молодой юрист, и полицейский были только дорогими предметами мебели. Будто из всех, кто находился в этой комнате, значение имела только я. Глядя на меня, он сказал:

– Порой люди забывают о том, о чём не хотят помнить. Потому что это тяжело. Ваш друг принял плохое решение, и ему придётся за это заплатить. Но он ещё ребёнок, и я хочу, чтобы к нему относились снисходительно. Вам следует знать, что окружной прокурор согласен на мои условия. Тигу придётся отправиться в тюрьму, здесь без вариантов, но, надеюсь, в колонию для несовершеннолетних. Однако если дело дойдёт до суда, к нему будут приняты те же меры, что и ко взрослому. Он может получить до пятнадцати лет. В тюрьме для взрослых. Ваши показания могут сыграть ключевую роль в этом вопросе. Вы ему поможете, Эми.

Мать сильнее сжала руку, и я посмотрела туда, где её тонкие пальцы впивались в мясистую плоть моего бедра. Она хотела услышать, что я помню, как Тиг вёл машину. Она хотела это услышать больше, чем полицейский. Я слышала, как она вдохнула, чтобы заговорить, но адвокат наклонился ко мне, оборвав её попытку так мягко, что даже не показался грубым.

– Но Эми ничего не помнит. Ей не следует врать, будто она помнит... – он помолчал, его ноздри раздулись, и остаток фразы сочился сарказмом: – Даже чтобы *помочь* другу.

– Это может помочь и ей, – не моргнув глазом, заявил

детектив. – Услышав обвинение, Тиглер Симмс наконец дал показания. Он говорит, что за рулём была Эми.

Мать ахнула, и я услышала, как резко вдохнул отец. Мои руки, обнимавшие колени, похолодели. Пальцы стали такими же, как язык, когда врач в палате экстренной помощи вколол в него обезболивающее. Мёртвая, чужая плоть. Синяки пульсировали в такт сердцу.

В тот же самый момент в мозгу всплыли три воспоминания, в совершенстве обрисованные яркими красками.

Я кладу ключи от машины в карман юбки.

Я сажусь за руль.

Я дёргаю ключ зажигания раз, два, три... и наконец слышу щелчок и чувствую, как он поворачивается.

Всё моё тело стало сплошной массой. Не было воздуха, не было оттока крови. Я взглянула в лицо детектива, и он отвернулся, ожидая моей реакции.

– Но она не была за рулём, – скучающим тоном сказал адвокат. – Тогда в чём смысл?

– Она знает, в чём, – ответил детектив. Он смотрел на меня с сочувствием, будто ему было жаль, что он говорит такие слова. – Ваша преданная дружба, Эми, не нашла отклика.

– Маленький засранец! – взорвался отец. – Как он смеет? Как смеет?

– Джим, – предупреждающе сказал адвокат.

– Нет, Митч, этот малолетний преступник пытается очернить мою семью! – воскликнула мать. Она наклонилась к по-

лицейскому и требовательно спросила: – Когда было сфабриковано это обвинение?

Не сводя с меня глаз, полицейский ответил ей:

– Сегодня утром. Его арестовали на месте за хранение наркотиков, но пришлось дожидаться его матери, прежде чем начать допрос. Она не позволила ему давать показания. Потребовала адвоката.

Я почувствовала, как голова судорожно дёргается вперёд-назад. Мамаша Тига наверняка была пьяна, потому что она пьяна почти всегда, и она терпеть не могла полицейских.

– Мы выделили им адвоката за казённый счёт, но эти ребята и так по уши в работе. Они не такие, как ваш, – коп фамильярно указал большим пальцем на Митча, будто мы с ним были в сговоре.

Я смотрела на копа, не в силах шевельнуться. Воспоминания разом навалились на меня, обрушились лавиной и придавили. Меня трясло.

Я закрыла глаза. Ничего в этой комнате не имело значения. Только та ночь, та дорога, то потерянное время.

Я попыталась сосредоточиться, заглянуть в колодец памяти, но больше ничего не увидела. Я так и не вспомнила, как вела машину – лишь жестокий поцелуй двух автомобилей. Не вспомнила, как выбралась из неё – только как стояла посреди дороги. Ага, я вспомнила вот что – у меня были ключи. Я села за руль. Я завела машину.

Теперь говорил адвокат, и его спокойный голос казался

очень далёким.

– При чём тут её чувства к этому мальчику? Дело не в том, что она собирается его выгораживать. Дело в том, чтобы добиться правды, а правда в том, что моя клиентка пострадала ввиду действий мистера Симмса. Она видела, как погибла её соседка. Давайте не забывать, что мальчик дал ей наркотик и напоил её так, что вызвал угрозу алкогольного отравления. Она и сама пострадала в аварии. Она просто ничего не помнит.

Я с трудом открыла глаза. Увидела направленный прямо на меня взгляд детектива. Он сказал:

– Время проходит. Воспоминания возвращаются.

Он был прав. Воспоминания возвращаются. Я вновь закрыла глаза.

Я увидела, как моя рука поворачивает ключ зажигания, вновь ощутила приятное скользящее чувство, когда он, наконец, повернулся. Я была в таком оцепенении, что лишь теперь поняла, как болезненно мать сжимает мою ногу, мешая оттоку крови.

– Больше ничего моя клиентка вам сказать не может, – произнес адвокат, но это была неправда.

Я хотела говорить. Честно. Я хотела раскрыть рот и сказать: *Мне кажется, Тиг прав.* Но я не должна была. Я не имела права, хотя мой адвокат дал мне разрешение. *А если мои воспоминания неверны?* Я задавала себе этот вопрос в отчаянии. В молчаливом отчаянии. А если детектив вызвал у меня

эти ложные воспоминания, рассказав о признании Тига? В конце концов, машина была его. У меня даже не было прав. Он должен был вести машину.

Может быть, после того, как я повернула ключ зажигания, Тиг проскользнул за руль мимо меня, а я сдвинулась на пассажирское сиденье. Может быть, мы остановились, а потом поменялись местами. Конечно, если бы я была за рулём, полиция узнала бы. Выяснила бы. Я напредила себе об этом, представив сцены, увиденные в фильмах. Команды полицейских и экспертов дознаются до правды, изучая трещины в асфальте и оборванные нитки. До меня не сразу дошло, что у маленького сонного студенческого городка в 1991 году не может быть таких ресурсов.

Простых истин было мало, и все они уже были записаны: Это машина Тига. Он живёт в неблагополучном районе, а я – в Вэйверли-Плэйс, и мои родители регулярно ужинают с мэром. Один из лучших адвокатов по уголовным преступлениям заслоняет меня от любого вопроса, способного прояснить правду. Единственный, кого хоть немного интересует заявление Тига – коп. Но он – ничто против Митча и денег моих родителей. Мне не пришлось бы даже врать. Не пришлось бы говорить ни слова. Всё, что от меня требовалось – сидеть тихо и ждать, когда всё случится само собой.

После того как ушёл детектив, ушёл адвокат, а отец отправился на работу, мать приготовила обед. Мы сидели за столом в гостиной, перед нами стояли тарелки с салатом. Мне

всегда было некомфортно в этой вычурной комнате с лакированным столом и сервантом с французским фарфором во всю стену. Она была выдержана в нейтральных серо-бежевых тонах, стены будто ребёнок обляпал детским питанием или чем похуже. Мать утверждала, что это цвет речного камня, а я как-то взбесила её, назвав его бородавочным.

Она была так напряжена, что вся вибрировала, как струна скрипки, каждая её жилка туго натянулась.

– Я думаю... – начала я и тут же осеклась. Я ничего не сказала полицейскому, но мне надо было выговориться. – Я думаю, что, может быть, я...

Я смотрела на неё, а она – на меня, изучая моё лицо с непривычной внимательностью. Она никогда не смотрела на меня, как на Коннора. В его лицо она впивалась с каким-то голодом. Сейчас она не сводила с меня взгляда, но это было иначе. Будто она искала подтверждения... или же правды.

Чего бы она ни искала, она это нашла.

– Господи, – сказала она. – Ты была... – она не смогла закончить предложение, как и я.

– Я правда не помню, – твёрдо произнесла я. Теперь я врал, и мне приходилось стараться, чтобы звучало убедительно. – Не помню, как вела машину.

– Не помнишь, как вела машину? – кивнув, переспросила мать.

– Не помню, – подтвердила я. – Но Тиг сказал, её вела я, и я помню, что у меня были клю...

– Ты не помнишь, как вела машину, – быстро и напористо сказала мать, и на этот раз её слова были приказом. Она протянула мне руку через стол и ждала, пока я протяну ей свою. Меня поразила мысль о том, что в эту неделю мать старалась ко мне прикоснуться, как никогда в жизни. Я не помнила, когда она в последний раз клала ладонь мне на бедро или сжимала мои пальцы. – Не позволяй этому мальчишке забивать тебе голову. Если ты будешь слишком сильно стараться вспомнить, в голове всё перемешается. Как у тех детей, которые говорят, что в детсаду были сатанисты или кто там ещё. Ничего этого не было. И если бы ты вела машину, полиция бы это выяснила. Так что машину ты не вела.

Какое-то время мы обе молчали, потом я сказала:

– А если воспоминания вернутся, как сказал тот детектив? Мать покачала головой.

– Что бы ты ни вспомнила, доверять этим воспоминаниям нельзя. Их вбил тебе в голову полицейский. Оставь эти мысли в покое. Не говори о них. Ни с кем. Никогда. Дело не только в тебе, Эми. Если ты признаешься, ты испортишь карьеру отца, а я уже и так чувствую чужое осуждение. Твой брат... у него большое будущее. Ты и так достаточно испортила нам жизнь.

– Но, если Тиг не был за ру... – начала я, и она отдернула руку. Её голос, только что почти умоляющий, стал холодным и презрительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.